

Роковой сон Спящей красавицы

Автор:

Мария Очаковская

Роковой сон Спящей красавицы

Мария Очаковская

Татьяна Устинова рекомендует

В театральном мире и поныне бытует легенда о перстне-талисмани Мариуса Петипа, приносящем успех всякому, кто его носит, но требующем дорогую расплату за триумф на сцене... Молодая талантливая балерина Варвара Ливнева, недавно поступившая в труппу Большого театра, слышала когда-то эту легенду, знает о ней и Арина Савинова, искусствовед, сотрудница театрального музея. Первая по-детски наивно верит в могущество волшебного талисмана, для второй он – лишь объект научного исследования и поиска. Но как бы по-разному ни относились к нему героини книги, обе они не подозревают, чем обернется для них разгадка тайны перстня великого балетмейстера...

Мария Анатольевна Очаковская

Роковой сон Спящей красавицы

Посвящается Валерию Анатольевичу Кулакову

Выражаю сердечную благодарность всем, кто помогал мне в работе над этой книгой.

Отдельная благодарность и земной поклон Дмитрию Молеву, без помощи которого эта книга едва ли была бы написана.

Большое спасибо

Сергею Антонову за наглядный рассказ о фуэте и пируэтах;

Виктору Богаченко за истории о театральных суевериях;

Андрею Губину за его любовь к балету и к бабушке, великой русской балерине;

Вячеславу Козлову, Екатерине Аносовой, Игорю Пальчицкому, Марине Карр-Харрис за то, что щедро дарили мне свое время, читали, слушали и советовали;

Олегу Клокову – он сам знает за что.

Спасибо также Ивану Карякину, Екатерине Трушиной, Андрею Карпуничеву, Галине Борисовой, Наталье Мурашовой и Ларисе Капник.

© Очаковская М.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

1. Если я умерла...

Удар пришелся по затылку, но не был сильным. Арина вскрикнула от неожиданности, даже не успев почувствовать боли, и рефлексивно подалась вперед. Внезапно пол под ее ногами расступился, и она, долю секунды балансируя на краю, сорвалась и рухнула в бездонную черную пустоту...

Непроглядная тьма сжимала ее, рвала на части, ломала. Рука, плечо, локти, колено, спина, шея... – она уже не чувствовала себя цельным организмом, ее будто разобрали на части, каждая из которых болела по-своему, сливалась в

одну сплошную слепящую муку.

«Какая боль, какая нелепость умереть теперь, именно теперь...» – угасающие проблески ее сознания еще мгновение цеплялись за жизнь, пока не увязли в густом тумане небытия...

И ей стало так невесомо, легко, свободно... и холодно. Арина ощутила холод, но своих рук и ног больше не чувствовала. «Значит, я уже умерла? Но ведь этого не может быть, чтоб все так быстро закончилось? Ах, как это, оказывается, хорошо, когда не чувствуешь ни боли, ни тела... наверное, потому, что моя душа летит...»

Впереди вспыхнула белая полоса слепящего света.

Свет вырвал из темноты трепещущий кроваво-красный бархат. Бархатные волны качнулись и расступились, открывая пустое, подавляющее своими размерами пространство – затаившуюся в молчании, свободную от декораций сцену.

В глубокой тишине еле различим звук шагов. Теперь на сцене появляется одинокая фигура сухощавого старичка в черном фраке, легко и грациозно прохаживающегося вдоль рампы. Он делает знак рукой кому-то невидимому. И над зияющей черной пастью оркестровой ямы проносится движение, вспыхивают огоньки над пюпитрами оркестрантов, у центрального пульта мелькает светло-русая борода и бледный профиль. Дирижерская палочка и руки не видны, лишь белые манжеты взметнулись вверх, но вместо музыки над сценой разносится громкий цокающий стук пуантов.

Старичок поворачивается спиной к залу и снова подает кому-то знак. Из левой кулисы из призрачно-голубой дымки выплывает гигантское зеркало. Его с величайшей осторожностью несут люди в униформе и устанавливают в самом центре. По всему видно, что зеркало это – непростое, особое. Старик смотрит на свое отражение, несколько раз хлопает в ладоши – он доволен. Тотчас на сцену выбегают артисты, в их пестрой веселой толпе мелькают пачки, буфы, шлейфы, перья, все они восторженно аплодируют маэстро.

Но, как только аплодисменты смолкают, раздается дикий треск. Толпа замирает – мерцающую зеркальную гладь разрезает трещина, еле заметная поначалу, она увеличивается, ползет вниз, и из нее серебряными струйками начинает сочиться нечто вязкое... ртуть. Струйки превращаются в ручьи, артисты в ужасе пятятся,

еще мгновение, и ртутный водоворот затягивает их и сметает со сцены...

Арина испугалась, вскрикнула: «Нет, это какое-то сумасшествие, бред! Надо сию же минуту проснуться! Продраться сквозь эту вязкую толщу безумия... но как же это сделать, если я умерла...»

2. Похороны в пансионе Сен-Дени

Два года назад

Утро было серым и холодным. Часам к семи все небо заволочило тяжелыми свинцовыми тучами, пошел дождь. Уличный градусник показывал +8°C. Внутри, в часовне пансиона Сен-Дени, там, где стоял гроб, было едва ли теплее, поэтому все собравшиеся страшно мерзли, кутаясь в шарфы и меховые воротники.

Скосив взгляд на лилово-синюю физиономию сотрудника похоронного бюро, месье Мэй, директор пансиона Сен-Дени, зябко поежился.

Похоже, лишь отец Михаил не страдал от холода. Во-первых, потому, что русский, значит, закаленный, а во-вторых, ему, единственному в данных обстоятельствах, было позволено двигаться, что он и делал, стремительно обходя часовню с какой-то дымящейся штукой в руках.

«Что ж, ничего не поделаешь! Такова воля покойной! Мы всё исполнили в точности, не считаясь с тратами. Катафалк, венки, поминальный стол... Даже православного священника пригласили, который, кстати, твердо обещал, что уложится с отпеванием в тридцать минут». И месье Мэй вздохнул.

Поднеся платок к красному, острому, точно клюв, носу, директор деликатно высморкался, посмотрел на часы и перевел взгляд на окно. Глядя, как стекают по стеклу капли воды, он вспомнил о текущей в мансарде крыше и неоплаченных счетах кровельщику. Пост директора он занимал всего три месяца и к своим обязанностям относился весьма прилежно.

– Может, включить отопление? – подойдя к нему, поинтересовался месье Жиро. Жиро работал в Сен-Дени врачом-геронтологом, работал хорошо, хотя для своей должности выглядел слишком молодо и легкомысленно: серьга в ухе, на шее – татуировка.

Директор согласно кивнул:

– Позже непременно. Впрочем, при нынешних обстоятельствах холод не помеха.

– Тогда завтра все наши постояльцы слягут с простудой, – возразил доктор.

Но этих слов Мэй уже не услышал или сделал вид, что не услышал.

Тем временем стоявшие у гроба постояльцы пансиона с уважением поглядывали на отца Михаила и часто крестились. К слову, на отпевание пришли не все постояльцы, а лишь пятеро из них. С другими покойная Эжени, точнее, Евгения Щёголева, отношений не поддерживала: высокомерная была старушка, с характером. Но доктор Жиро относился к ней с большой симпатией. Редко кому в 97 лет удается сохранить ясность ума, чувство юмора и здоровое сердце. Такого он не встречал ни у кого за всю свою практику. Да и умерла-то Эжени вовсе не от старости. Сложись все иначе, кто знает, может, еще бы пожила...

По-своему доктор был даже благодарен русской старушке, потому что если б не ее сердце, то не было бы и его статьи в журнале «Проблемы геронтологии», получившей столько хвалебных отзывов.

Жиро прислушался к голосу священника. Разумеется, он не понимал ни единого слова из того, что тот говорил, но то ли тембр голоса отца Михаила, то ли сам обряд отпевания как некое священнодействие, тут происходящее, произвели на доктора такое странное впечатление, что он, забыв о холоде, стал вспоминать, когда же сам в последний раз был в церкви. Но вспомнить так и не смог. Потом он вспомнил Эжени, стоящую на коленях перед иконой русской Мадонны.

«Знаете, Пьер, сколько я нагрешила за свои сто, все и не отмолишь».

«А ведь не напрасно эти русские так держатся за свои обряды», – подумал Жиро.

Когда мысли его были готовы устремиться в какие-то совсем уж заоблачные дали, входная дверь внезапно распахнулась, и на пороге часовни возник импозантный мужчина средних лет, с тростью, в дорогом кашемировом пальто и шляпе.

От неожиданности Жиро даже ойкнул и тут же ощутил легкий толчок в спину и услышал свистящий шепот директора:

- Вы видели?! Этот Замчински все-таки явился. Какая наглость!

- А что вы хотели, я вас предупреждал, даже предлагал решение...

- Вы опять за свое, Пьер!

Тем временем опоздавший мужчина с выражением скорби на лице (возможно, с хорошо заученным выражением) встал у гроба и осанисто перекрестился. Справедливости ради стоило отметить, что вид у него был почти кинематографический: черное пальто, бледное, уставшее благородное лицо, безукоризненно постриженная, отливающая серебром седая шевелюра.

- Просто Жан Габен какой-то! - фыркнул директор. - Я был уверен, что он не придет, побоится....

Жиро ядовито усмехнулся:

- Теперь ему уже нечего бояться. Мы с вами упустили момент, когда надо было действовать. Тогда его можно было прижать.

- Бросьте, Пьер, не горячитесь. В вас говорит максимализм молодости. Поверьте, я многое повидал. Такие, как Замчински, непотопляемы!

- При нашем... нет, при вашем попустительстве, разумеется! - чуть громче, чем следовало, ответил Жиро.

Голос его привлек внимание присутствующих, но сам Замчински, тот самый опоздавший господин, даже не обернулся - подобно мраморному изваянию, он застыл у гроба с низко опущенной седой головой. Один вид этой «скульптурной

композиции» вызвал у Пьера крайнее раздражение. И раздражен он был не только потому, что Замчински заявился на похороны после всего, что случилось, и не только потому, что не сумел убедить упрямого Мэя вовремя принять меры. В конце концов, Мэй в пансионе – человек новый, многого не знает, не понимает, побаивается... Нет, больше всего Жиро злился на себя, на свою проклятую нерешительность, бездействие, равнодушие. Ведь если на то пошло, то он мог бы один, не спрашивая ни у кого совета, явиться в полицию, рассказать о своих подозрениях. И тогда польский проныра не стоял бы тут, изображая вселенскую скорбь.

Бедная Эжени! Увы, она была не первой...

Лет семь назад, в доме престарелых в Сан-Рафаэле, где Пьер проходил практику, он уже встречал этого полячишку. Тогда тот тоже крутился около одной пациентки, тоже называл себя «другом», а у его «подруги» тоже имелось кое-что за душой. Потом пошли букетики фиалок, шоколад, совместные прогулки, рюмочка куантро в бистро на набережной. По счастью, у той старушки имелись родственники, то есть внук или правнук, вовремя вернувшийся из-за границы. Он-то и положил конец этой подозрительной дружбе. Замчински тотчас испарился.

Жаль, что тогда Жиро не вникал в детали, история не касалась его напрямую, и он не придавал ей значения.

И вот пару месяцев назад Пьер встретил поляка в Сен-Дени. Случайно, и с трудом узнал его. Замчински сильно поправился, поседел, но это нисколько его не портило, напротив, он, как говорится, вошел в возраст, что привнесло в портрет благородства и благообразия. Да, выглядел он по-прежнему великолепно. «Милый друг на пенсии – *Bel Ami en retraite*». Без сомнения, такие умеют к себе расположить, обаяние их конек.

– *Mais il est vraiment douchka, charmant*[1 - Но он такой очаровательный, настоящий душка (фр.)], – говорила Эжени. А когда Жиро попытался ей что-то объяснить, предупредить, то она небрежно отшутилась: – Мы с ним родственные души. Загадочная славянская душа! Вам, французам, ее не понять.

Потом, как-то проходя мимо ее комнаты, доктор услышал их ссору. Оба говорили по-русски, но на повышенных тонах, чересчур резко. И снова Пьер не придавал

этому значения. Мелькнула лишь мысль: «Все к лучшему. Сейчас она его выгонит». Жиро так и не понял, ушел поляк или остался, так как комната Эжени имела отдельный выход в парк и любой мог туда зайти и выйти незамеченным.

Какое-то время Замчински в пансионе не появлялся. Но пару недель назад Жиро встретил его снова...

Погруженный в воспоминания, доктор не заметил, как у входа появился катафалк. Сотрудник похоронного бюро сверился с часами и кивнул директору, что, мол, теперь на кладбище. И все двинулись к выходу.

Поляк тотчас занял пост у двери, так же естественно, как если бы он служил здесь портье, с той лишь разницей, что его движения были исполнены внутреннего достоинства. Аккуратно придерживая дверь, он взял под локоток мадам Ленуар, отличавшуюся нетвердой походкой, а месье Фуке, передвигавшегося с палочкой, лично свел по ступенькам. При виде этой сцены у директора Мэя вытянулось лицо, он был настолько ошеломлен, что не мог вымолвить ни слова. Только Жиро, скрестив руки на груди, демонстративно задержался у двери, пока Замчински не вышел сам.

По иронии судьбы, кладбище соседствовало с домом престарелых.

– Послушайте, Пьер, – снова зашептал месье Мэй, – я подумал, что мы должны с ним поговорить, мы вдвоем, вы и я, сегодня, когда вернемся с кладбища. После погребения я всех приглашу на бокал вина. Сестра Тити приготовила легкие закуски. Вот тут мы его и возьмем в оборот. Уверяю, я настроен на серьезный разговор! Мы его отведем от нашего пансиона...

– ...И он пойдет в другой... – угрюмо продолжил Жиро.

В тот роковой день Эжени зашла к нему в кабинет и пожаловалась на боль в ногах, по ночам ее мучили судороги. Пьер выписал ей лекарство:

– Тити (так звали сестру) вечером принесет вам таблетки, чтобы вы не забыли их принять.

– У Тити в голове ветер, лучше дайте таблетки мне, я не забуду.

Эжени ушла, а доктора поглотила проблема запора месье Фуке, потом он навестил мадам Ленуар, которую хотела задушить невестка. Следующие на очереди были супруги Боншан. Оба страдали от ожирения, жаловались на маленькие порции на кухне и на вороватую кухарку. Для снижения аппетита доктор прописал им йогурт с отрубями и велел есть побольше фруктов.

Ровно в 18.00 он уже оседлал свой байк и поехал в бар «Канотье», где его ждала Янник. После ужина они немного прошлись, а вернувшись домой, оба засели за компьютеры. Все было тихо, спокойно, как всегда, исключая ранний подъем... Около пяти утра позвонила перепуганная медсестра и сказала, что мадам Шелешеш (выговорить фамилию Эжени удавалось не каждому) умерла.

Жиро осматривал труп вместе с врачом неотложки. Оба констатировали смерть в результате перелома основания черепа. «Видно, вечером старушка хотела выйти в сад, оступилась и упала с лестницы. Всего-то пять ступеней! Но в 97 лет и их достаточно». Ясно, что свидетелей происшедшего не нашлось. Когда врачи перешли к заполнению бумаг, явился полицейский. Его визит носил чисто формальный характер. Об этом позаботился месье Мэй.

Жиро и тут не успел, не смог, опоздал...

Лишь потом, почувствовав уколы совести, он пришел в кабинет директора и решительно заявил, что намерен обратиться в полицию. Он рассказал Мэю все, что знал, и о пройдохе Замчински, и о старушке в Сан-Рафаэле, и о пропавших из комнаты Эжени дорогих украшениях.

– Вы слишком категоричны, Жиро. А вам не приходит в голову, что она могла просто их ему подарить, – часто моргая, ответил месье Мэй, он работал в пансионе всего три месяца, полицейское расследование совсем не входило в его планы.

После кладбища процессия вернулась в пансион. В гостиной были накрыты столы. На каминной полке стояли фото Эжени в разных театральных костюмах: то в кокошнике и сарафане, то в восточном костюме, то в длинной шопеновской пачке, украшенной стразами и перьями... В молодости она была невероятно хороша.

Месье Мэй, довольно потирая руки, обвел взглядом всех собравшихся и замер – Замчински исчез.

3. Арнольд Михайлович Каратов

Весь мир – театр, но труппа никуда не годится.

О. Уайльд

В четверг Арнольд Михайлович Каратов ушел из офиса раньше обычного и даже оставил машину на офисной парковке: с некоторых пор в центре Москвы стало надежнее передвигаться пешком. К сегодняшней, назначенной на восемь вечера, встрече ему хотелось подготовиться заранее. Он слишком долго ее ждал. И хотя времени оставалось еще предостаточно, он все равно то и дело поглядывал на часы. Погода стояла чудесная, вторая декада сентября – бабье лето: летняя духота ушла, но ясное небо и тепло остались.

Пройдя часть пути дворами, Арнольд Михайлович вышел на Тверскую, на ходу краем глаза поглядывая на свое отражение в окнах витрин: импозантный, холеный мужчина средних лет. Ему нравилось то, что он видел.

Дорога от офиса до «Елисеевского» отняла у него минут двадцать, за которые Каратов во всех подробностях продумал меню предстоящего ужина, определив его как «простой и легкий», ничего трудносочиненного, нарочитого. Ведь меню – это своего рода признание. Иногда накрытый стол и приготовленные кушанья могут рассказать о поваре больше, чем он сам считает нужным о себе рассказывать. Вот и сегодня Арнольду Михайловичу не хотелось бы обнаружить свою излишнюю заинтересованность в предстоящем визите, нетерпеливое его ожидание...

«Итак, зеленый салат с подкопченной семгой, затем говяжьи антрекоты средней прожарки с запеченными овощами: баклажанчик, болгарский перец, лук-шалот. А в качестве финального аккорда – сырная тарелка с виноградом...» – так решил Каратов, но, поглядев на лотки с виноградом, недовольно скривился:

– Девочки, ну это просто ни в какие ворота! Вы чем тут торгуете, изюмом? – притворно строго заговорил он с подошедшей продавщицей.

– Вчерашний завоз. Извините, Арнольд Михайлович. – Они были знакомы.

– Э-эх! И это в Елисейском-то магазине! А еще боремся за звание дома высокой культуры быта! – произнес он голосом председателя Бунша из фильма «Иван Васильевич меняет профессию».

Продавщица засмеялась.

Вместо винограда пришлось купить баночку французского горного меда, после чего он направился в винный отдел, где уверенно подошел к табличке с надписью «Италия» и, не глядя на ценник, положил в корзину три бутылки красного тосканского. Дома вино, разумеется, было, но в прошлый раз они пили именно это...

Тут Арнольд Михайлович, снова вскинув руку, посмотрел на дорогие швейцарские часы и нахмурился, но лишь для того, чтобы скрыть занимавшуюся на лице глупейшую улыбку, и сразу принялся раскладывать покупки в пакеты.

Сердце его пело, если бы он мог позволить себе бежать вприпрыжку, то непременно так бы и поступил, но до дома было уже рукой подать, а на улице могли встретиться соседи.

Глинищевский переулок (который Каратов по привычке называл улицей Немировича-Данченко) находился за вторым поворотом. Дорога, знакомая с детства. Двести сорок семь шагов, и вот она – московская достопримечательность, дом под номером 5/7 – подарок Сталина труппе Художественного театра. Когда-то здесь жили все корифеи МХАТа, включая самого Немировича-Данченко, и Книппер-Чехову, и Марецкую, и Тарасову, и Яншина...

Это была еще родительская квартира, которую отец Нолика получил в 1972 году. В том же году отцу должны были дать «народного», но из-за скандала со спектаклем к 7 Ноября не дали. В той постановке Михаил Арнольдович играл рабочего Кальске, укрывавшего Ильича у себя на квартире. Роль небольшая, но в лениниане небольших ролей не существует. Однако комиссия спектакль не

пропустила. Звание «народного» Каратов получил позже, за «Чайку».

В отцовском доме Арнольд Михайлович пытался максимально сохранить прежнюю обстановку, оставить все так, как было раньше, тем более что было очень даже неплохо. Всюду – антикварная мебель, хоть и не музейная, но подобранная со вкусом и знанием дела, а не лишь бы что. Поэтому красное дерево не соседствовало с карельской березой, а карельская береза не мешалась с беленым дубовым гарнитуром. По стенам висела добротная живопись, акварели, старинные олеографии, фотографии, бисерные вышивки и, наконец, прекрасный портрет отца. Это был подарок от поклонников к его 50-летнему юбилею. И вообще, подарков в доме осталось множество, но не все подлежали экспонированию, а лишь некоторые редкие вещицы. К примеру, в витрине гостиной, как и при Каратове-старшем, стояла клетка с заводной птичкой, которая кивала головой, открывала клювик и пела. Английский механизм без реставрации работал уже 120 лет.

Но особой гордостью Арнольда Михайловича была не птичка, не мебель и даже не бронзовая люстра с рубиновым стеклом замечательной сохранности, а обои в кабинете. Рельефные обои Lincrusta английского производства (подобные когда-то поставлялись для вагонов метро) не переклеивались с 1936 года, то есть со времени постройки дома. Лишь недавно Нолик решился их немного подновить, за что заплатил круглую сумму.

А вот современный ширпотреб Арнольд Михайлович в свой дом не допускал категорически. Исключение составляли лишь мобильный телефон, компьютер и аудиосистема, выглядевшие как-то совсем уж противоестественно на общем реликтовом фоне квартиры.

Когда овощи были почищены, салат разобран и помыт, а пухлые розовые антрекоты томились в нежном маринаде (лимонный сок, соль, перец, мед, горчица), Арнольд Михайлович занялся сервировкой стола, покончив с которой направился в ванную комнату. Там принял душ и тщательно побрился, затем повесил свежие полотенца и перешел в спальню. Застыв на время у массивного шифоньера беленого дуба, где в идеальном порядке висели отутюженные сорочки, костюмы, клубные пиджаки, смокинги, он остановил свой выбор на льняных брюках и дорогой, но неброской шелковой рубашке навыпуск. Рубашка драпировала досадные округлости фигуры, кроме того, подчеркивала некоторую небрежность, неофициальность костюма.

Наконец, удовлетворенно оглядев себя в зеркале, Арнольд Михайлович присел передохнуть на кровать, но тотчас вскочил и принялся перестилать постельное белье:

- Кто знает... - улыбнулся он про себя.

Сигнал домофона застал Каратова у холодильника с прохладительным коктейлем в одной руке и бутылочкой парфюма в другой.

4. Таланты и поклонники

Есть только одна причина неявки актера на спектакль - смерть.

К. С. Станиславский

Когда полгода назад на общем собрании сотрудников Театрального музея им. Вахрушева[2 - Название «Вахрушевский музей» вымышленное. Любое сходство, совпадение случайны.] обсуждался план перспективных выставочных мероприятий и заведующая научным отделом Арина Ивановна Савинова выступила с идеей лемешевской выставки, то предложение ее было встречено без энтузиазма.

Мнения сотрудников разделились.

Старожилы музея, захваченные восторженно-ностальгическими настроениями, выступили «за»:

- Эх, нам бы такую выставку да лет тридцать-сорок назад!

- Километровая очередь выстроилась бы.

- Что и говорить, тогда имя Сергея Яковлевича гремело на всю страну!

– Сколько поклонниц у него было! Я своими глазами видела, как эти сумасшедшие снесли дверь в театральную кассу.

Однако молодые сотрудники были настроены скептически:

– Послушайте, ну кто сейчас помнит Лемешева?!

– Спросите у любого школьника. Певцом он был или танцором? Они даже имени такого не знают!

Петр Борисович Грушин, зам. директора музея по финансам, осторожничал:

– Друзья, этот фактор, к сожалению, мы не можем не учитывать, – и поспешил напомнить, что их музей и без того ругают за низкую посещаемость. – Я не раз подчеркивал, выставочные мероприятия должны иметь хороший потенциал еще на стадии планирования. Не будем забывать, что министерство бюджетирует только перспективные направления.

Ни для кого из присутствующих не было секретом, что Вахрушевский музей, имеющий целых восемь филиалов, ведет активную выставочную работу. Не было секретом и то, что посетителей на выставки иной раз приходилось загонять палками. Пенсионеры-льготники, студенты профильных вузов в количестве трех штук обеспечить массовость не могли. За всех, как обычно, отдувались школьники, которых стадно пригоняли учителя. Стадо зевало, мычало, жевало и бессмысленно телепалось по залам, пугая сотрудников своим диким ржанием.

Да, культурка шла тяжело, скучно, сухо. Проблема – общая, знакомая многим музеям, вахрушевцы не одни такие. По-другому дело обстояло лишь в музеях особого федерального статуса, вроде Пушкинского, Третьяковки, Эрмитажа, Русского.

– У них бюджет! У них площади, кадры! – оправдывалось начальство.

И хотя обычно Арина Ивановна, ведущий научный сотрудник музея, не спорила с начальством и вообще держала свое научное мнение при себе, ей было что возразить. С ее точки зрения, радикального пересмотра требовали не только временные, но и постоянные экспозиции. «Лучше меньше, да лучше». Как тут не

вспомнить ленинский тезис.

Так вот, на том злополучном собрании Арину буквально разобрало. Невозможно было смолчать. Особенно возмутительными ей показались слова экскурсовода Марины Эдуардовны Жилиной, музейной красавицы.

Мариночка была, без сомнения, хорошенькой, к тому же протее директору, но совершенно дремучей в своем невежестве. (И таких в музее, увы, с каждым годом прибавлялось.)

– Глупо рассчитывать, что кто-нибудь придет на эту лемешевскую выставку! – заявила она.

И Арина позволила себе высказаться:

– Как утешительно считать за глупость все то, чего сам не знаешь! Но не в том ли состоит наша задача, чтобы сохранять и передавать память прошлого, рассказывать молодым о былых кумирах. Простите, что напоминаю... – И хотя Арина не стала уточнять «кому», девушка залилась краской. – Так ведь можно и про Чехова со Станиславским забыть!

За свою горячность Арина сразу поплатилась.

– Что ж, Лемешев так Лемешев. Вам, Арина Ивановна, и флаг в руки, будете курировать эту выставку. Кстати, помню, что у вас были неплохие связи с частными коллекционерами, – подвел черту Виктор Тихонович Кабулов, директор музея, осторожный человек с тихим, бесцветным голосом.

На этом собрание закончилось.

Разумеется, тогда никто даже представить себе не мог, чем все это в итоге обернется.

* * *

«Вот ведь идиотка! Теперь и отказаться невозможно. Сама виновата. Ляпнула! Тоже мне, Лев Толстой, “не могу молчать!”» – уходя, ругала себя Арина.

На улице перед выходом из музея несколько человек задержались на перекур, прения продолжались.

– Утешительно смотреть, как старые девы умеют радоваться работе... за неимением других радостей жизни, – заявила Марина Эдуардовна. Сказано было негромко, но с расчетом.

Арина это услышала.

«Вот ведь... Такая хорошенькая, а злющая, как упырь!»

Ей всегда казалось, что злость – удел тех, кто обделен природой. Красота, перед которой все двери открыты, не должна быть зубастой.

Впрочем, сказанное ее не обидело, потому что от начала до конца не соответствовало действительности. Даже если рассуждать формально, какая она, на фиг, старая дева?! Ведь стародевичество по сути своей унылое, безрадостное, засушенное состояние души. А это совсем из другой оперы, не про Арину вовсе. В свои без малого сорок лет Арина Ивановна Савинова, кандидат наук, историк искусств, театровед, была мало похожа на ходульный образ музейного работника – иссушенной блеклой швабры в очках минус восемь. Замужем, между прочим, она хоть и недолго, но побывала, да и выглядела моложе своих лет благодаря прекрасному чувству стиля и жизнерадостному нраву. Театр (конечно, настоящий ТЕАТР) она любила не просто как работу, а как восхитительное приключение. И, помимо музея, имелось у нее занятие для души – увлекательные исследования, которые, по ее собственному выражению, напоминали маленькие детективы. Однажды она даже сделала довольно громкую находку: изрядно потрудившись в архивах, Арине удалось найти и идентифицировать золотую галстучную заколку, ту самую, в которой изображен Петр Ильич Чайковский на знаменитом портрете Кузнецова. Сама она, конечно, скромничала, говорила, что ей просто повезло, но музей был счастлив приобрести мемориальный предмет.

А еще Арина писала для популярных журналов, частных галерей, новоявленных театральных трупп. Занятие не самое достойное для научного работника, зато

оно приносило приличный доход, не в пример музейному. Буклет к выставке – и вот тебе шелковая блузка, большое спасибо. Рецензия на антрепризный спектакль – низкий вам поклон, господин продюсер, – и классные шаровары, ну, или стрижка в салоне. «Арина Ивановна, вы чудесно выглядите», «Ариша, ты всегда такая стильная!» Что ж, приятно слышать, но знали бы они, чего ей это стоило! А ведь была еще Царица Тамара, которой Арина уже даже не пыталась объяснить, во сколько обходятся нынче ее «базовые потребности» в массажистке, педикюрше и, прости господи, портнихе.

* * *

С того памятного собрания прошло четыре месяца. Возможно, для кого-то они пролетели незаметно, но для Арины это было по-настоящему сумасшедшее время, потому что подготовка выставки – работа, безусловно, увлекательная, но кропотливая, трудная, а еще страшно нервная. Бывало, что доходило до валериановых капель или до коньяка залпом без закуски. Каждому свое.

Но, как бы то ни было, выставка «Сергей Лемешев. Таланты и поклонники» состоялась. Были и шумная презентация с шампанским в день открытия, и пресса, и телевидение. Директора Кабулова показали в новостях по каналу «Культура». Ну а самое главное, были посетители! На Лемешева, вопреки мрачным прогнозам Марины Жилиной, люди откликнулись и пошли. То ли реклама сработала, то ли обычное сарафанное радио... Ведь выставка в самом деле получилась интересной.

Разумеется, в первых рядах пришли те, кто помнил, а может, и слышал живого Лемешева. Соответственно, средний возраст посетителя перевалил за 60.

– Чувствую себя как на промоакции кардиостимулятора! – как-то, вернувшись в отдел после экскурсии, заявила Марина Эдуардовна. – Тоже мне, вопрос жизни и смерти! Запытали, блин! Когда Лемешев поставил «Вертера»?

Жилина терпеть не могла вопросы, экскурсионную методичку она выучивала наизусть и шпарила текст, как отличница-зубрила на уроке литературы. «Шаг влево, шаг вправо» – и девушка плыла, отливая очередную «пулю». Ее перлы расходились по всем филиалам как анекдоты.

Так уж совпало, что в это время Савинова тоже оказалась в экскурсионном отделе и снова не удержалась:

– Марина Эдуардовна, премьера оперы «Вертер» в постановке Лемешева состоялась 5 июня 1957 года в Большом театре, – вполне благодушно обратилась она к ней. – А еще не сочтите за труд исправить вот тут в ведомости. Слово «экскурс-а-вод» пишется через букву «о», – добавила она и нажила себе врага.

* * *

Через месяц директор не без гордости подписал заявку о продлении срока работы выставки.

– На месяц, Арина Ивановна, больше не могу, – великодушно согласился Кабулов. – В ноябре нашего «Лемешева» ждут в Тамбове. А потом, сами знаете, у нас в плане юбилей Островского.

Продление сроков для куратора – дополнительные хлопоты. Но Арина все равно была довольна. Даже перед закрытием, в самый последний день, в музей поступило много заявок, и набралось четыре полные экскурсии. Финальная была назначена на 15.00, а сразу по окончании начинался демонтаж выставки.

Геннадий, бригадир монтажников, уже несколько раз подходил к Арине:

– Я про то, чтоб вы не забыли. Мы начнем в половине пятого! И не минутой позже.

Его подопечные уже топтались во дворе у «Каретного сарая» и безостановочно курили строго под табличкой «Курить запрещено». Работа монтажников ценилась дорого, любая задержка грозила дополнительными расходами.

Арина согласно кивнула и направилась в главный корпус, чтобы предупредить и поторопить всех остальных.

В вестибюле толпились посетители, ждали экскурсовода. Кассирша Софья Семеновна, приветливая розовощекая старушка, продав последние билеты,

покинула свой пост и пошла общаться в народ:

– ...Нет-нет, вы ошибаетесь. Это лемешисток называли «сырихами». Лемешев жил на улице Горького, а рядом находился гастроном «Сыр». В магазине поклонницы грелись и вели наблюдение за объектом, – не без удовольствия объясняла она обступившим ее экскурсантам.

– Но ведь за Козловским тоже бегали! – возразила одна из них.

– Конечно, бегали, никто не спорит. Но Лемешев был такой красивый, обаятельный и, как сейчас говорят, сексуальный, – умильно пропела Софья Семеновна.

– Как же эти «сырихи» мучили его жену! – подала голос другая посетительница в кричаще-красном кашне.

– Справедливо сказано. Лемешистки вели себя очень агрессивно, – согласилась Софья Семеновна. – Чего они только не делали!

– Даже под трамвай ее толкали! – вступил в разговор худенький старичок с редкой бородкой. – Я помню жуткую историю, когда ей на голову, она ведь тоже в Большом пела, высыпали целый мешок копеек и чуть не убили. Безумно ревновали, безумно, готовы были на все!

– Да-да, я это тоже от мамы слышала. Она Лемешева обожала, – заговорила женщина помоложе. – Моя мама была народным судьей, работала в Ленинграде и бегать за ним не имела возможности. Но стоило ей только узнать, что Сергей Яковлевич поет в Большом Ленского, так она посреди заседания могла встать и уйти: «Слушания переносятся. На два дня. У меня “Онегин”!»

Присутствующие засмеялись, обмен мнениями продолжился.

Тут Софья Семеновна заметила Арину и, сияя, подскочила к ней:

– Ах, Ариночка Ивановна, все забываю вас поблагодарить. Ведь это все вы! Представьте, на последнюю экскурсию записались целых двадцать пять человек. Давненько мы такую кассу не сдавали!

– Нет, Софья Семеновна, вы мне приписываете чужие заслуги. А двадцать пять экскурсантов – это все-таки много, в зале тесно будет. Кто на группу пойдет?

– Мариночка Жилина. Ой, она, бедняжечка, так устала... она сейчас внизу отдыхает, – понизив голос, сказала Софья Семеновна. Добрая душа, она всех любила, всех жалела и в свои 62 года панически боялась увольнения.

В кармане Арины звякнул мобильный. Директриса Тамбовского краеведческого музея звонила ей сегодня уже в третий раз:

– Арина Ивановна! Кабулов не берет трубку!

– Ну, так, а что Кабулов?

– Я хотела ему напомнить, что мы очень и очень ждем. Мы и так пошли вам навстречу, сдвинули сроки! Надеюсь, никаких задержек больше не будет.

– Не волнуйтесь, у нас уже начался демонтаж, – соврала Арина и, нажав отбой, протяжно вздохнула. Сумасшедший день! Как бы чего не забыть в такой-то суете.

* * *

Тем временем в залах все шло своим чередом. Последнюю экскурсию, как и предполагалось, сократили на пятнадцать минут, и она уже подходила к концу. «Блистательная» Марина Эдуардовна стояла у центральной витрины и отвечала на вопросы.

Арина не могла пропустить такое и задержалась у открытых дверей зала. Тотчас рядом с ней нарисовался монтажник Геннадий.

«Какой же он настырный! Времени-то еще полно!» Метнув на бригадира строгий взгляд, Арина энергично затрясла головой и ткнула пальцем в часы, висевшие за его спиной. Геннадий, вздыхая, отступил.

В руках Савиновой едва слышно пискнул мобильный. Пришла эсэмэска. Коллеги хотели отметить закрытие «Лемешева» и заказали столик в кафе поблизости.

Отбив короткое «ок», она стала спускаться к выходу, но внезапно дорогу ей преградила черная форменная куртка с яркой нашивкой «Служба охраны».

Это был Юра Шнурков.

– Юр, а вы что?.. – Арина замялась.

– Арина Ивановна, мне уходить надо, – смущенно пробормотал он. – Помните, я предупреждал. Меня Харитонов подменит.

«Вот про тебя-то я напрочь забыла!» – подумала про себя Арина, а вслух сказала:

– Ох, как это некстати, Юра! И что теперь? Ваша смена, все бумаги у вас, Харитонов – новенький, он не в курсе.

Но Шнурков упрямо бубнил про то, что у него обстоятельства, что он предупреждал и что это в порядке исключения.

– Послушайте, через десять минут группа уйдет и начнется демонтаж. Юр, подождите, а? – Арина представила себе, как новенький Харитонов будет болтаться под ногами, мешать и задавать лишние вопросы.

– Ну не могу я! Мать – в больнице! Мне до зарезу надо! – взмолился Шнурков.

– А этот Харитонов где?

– Он сейчас придет.

– Ладно, бог с вами, – посмотрев на часы, с неохотой произнесла Арина и уже вдогонку ему бросила: —...Но перед тем как уйти, Харитонову вы все сами отключите... – Она хотела сказать «объясните», но оговорилась, потому что откуда-то сверху прозвучал истерический женский голос:

– Помогите! Кто-нибудь! Я его не удержу! Ну что ж вы стоите?!!

Крики доносились из того зала, где шла последняя экскурсия.

«Этого только не хватало!» – промелькнуло в голове Арины, когда она летела по ступенькам вверх.

На полу в центре зала, развалившись в неловкой позе, полулежал-полусидел очень бледный пожилой господин. Бледность эта сразу показалась Арине какой-то нехорошей, знакомой – у отца было больное сердце. Синими губами старик судорожно хватал воздух и что-то тихо шептал, рука с набухшими венами сжимала ворот пуловера. Встав на колени, старика поддерживала экскурсантка в красном кашне, то ли его спутница, то ли она просто вовремя оказалась рядом, и истошно, безостановочно кричала:

– Дайте же стул! Я его не удержу. У кого есть сердечное? Расступитесь, здесь душно, ему нужен воздух. Вызовите неотложку!

Все прочие посетители, включая смотрительницу зала, замерли с испуганными лицами, оглушенные криками, остолбеневшие, не знающие, что предпринять.

– Да! Есть! Сейчас! Уже, уже вызываю... – из-за спин посетителей вылетела Жилина. – Алло, «Скорая», срочно приезжайте! Сердечный приступ в музее! Фамилия? Не знаю. Да, мужчина! Не знаю я, сколько ему лет. Да замолчите же вы наконец! – гаркнула она на женщину в красном кашне. – Нет-нет, это я не вам! – и затараторила в трубку адрес музея.

Тут в дело вмешалась Арина:

– Уважаемые гости, убедительно прошу всех покинуть зал. Сейчас приедут врачи и окажут больному медицинскую помощь! Не задерживайтесь, проходите на выход! – громко, четко, уверенно скомандовала она и, сопровождая слова жестами, заняла позицию у выхода из зала.

Очнулась наконец и смотрительница зала, Раиса Тимофеевна, и принялась энергично подталкивать посетителей к дверям. А там, привлеченные криками, уже сгрудились сотрудники музея. Мелькнули черная форма охранника и седые

кудряшки кассирши. У Софьи Семеновны, как у собаки-санитара, всегда имелась при себе объемистая сумка с лекарствами. Просочившись сквозь толпу, она передала больному нитроглицерин.

Через четверть часа посетителей в музее уже не было, лекарство начало действовать, и больной немного пришел в себя. Когда приехала «Скорая помощь», он смог самостоятельно дойти до машины.

Демонтаж начался почти без опоздания. «О чудо!» – Арина с облегчением выдохнула.

Однако полчаса спустя на выставке обнаружилась пропажа. Из центральной витрины исчез экспонат, значащийся в описи под номером 12. Это был элегантный, обтянутый шелком ежедневник великого тенора.

Его передал Арине лично, из рук в руки, известный московский коллекционер Григорий Борисович Лейбман.

5. Долгожданный гость

Я не стараюсь танцевать лучше всех остальных. Я стараюсь танцевать лучше себя самого.

Михаил Барышников

– Привет... – со слабой улыбкой, чуть растягивая гласные, произнес Федор, обнял хозяина и расцеловал его в обе щеки.

– Выглядишь прекрасно! Италия тебе на пользу! – приветствовал гостя Арнольд Михайлович. Он не преувеличивал – обаятельно улыбающийся ему молодой человек был хорош: сквозь смуглую кожу просвечивал легкий румянец, выгоревшие волосы, придавшие ему еще более юный вид, отливали золотом, светлые серые глаза эффектно контрастировали с загаром. Он немного поправился, что, впрочем, нисколько его не портило.

– Милости прошу, милости прошу! Очень рад, очень рад. Давненько не виделись! Ты, наверное, голодный? Ужин почти готов, – скороговоркой заговорил Каратов и невольно залюбовался гостем. На Федоре был серый пуловер, надетый без рубашки, под которым рельефно проступал «идеальный балетный верх» – широкие плечи, сильные руки, точеная талия. Черные, с дранцой джинсы после отдыха сидели на нем немного впрыток, но это тот случай, когда «притык» смотрится как надо.

– Ой, я б лучше выпил... – ответил Федор, бросил короткий взгляд на свое отражение в зеркале, прошел в комнату и присел на диван – нога закинута на ногу, стопа смотрит вниз, спина идеально прямая, – поза почти картинная.

– Что пьем? Кстати, есть твое любимое «винище»... – Каратов уже взял бутылку тосканского, собираясь ее открыть.

Но Федор даже не взглянул на этикетку:

– А водки нет?

– Хм! Смешать или чистую?

– Чистую.

– Что, так все плохо?

– Отвратно просто.

– Сейчас поправим! – И Каратов, улыбнувшись, исчез в дверях.

– Как же, поправишь, – буркнул Федор, но тотчас встал и последовал в кухню за хозяином. Тот как раз доставал из холодильника водку. – Вообще, такая жопа, что хочется в хлам нажраться! – продолжил Федор.

– Нельзя себе отказывать.

Заглянув в открытый холодильник, Федор хмыкнул:

– Парфюм, как всегда, рядом с творожком и колбаской. Знакомая история. О! Салями, yes! Уважаю!

Каратов с деланой улыбкой молча достал вакуумный пакетик нарезки и усмехнулся:

– Это же дрянь. Как ты это есть можешь? – Он специально купил эту дурацкую колбасу, которую сам терпеть не мог. «Все-таки плебейский вкус Федора неистребим!» – Кстати, как вы отдохнули? Как Venezia la regina?

– Отдохнули норм. Венеция стоит. Мы там всего три дня, потом в Римини, на море. Туристов – толпы, ценник – жуть, гостиница в этот раз – полный пипец, а про пляжи – ты сам знаешь.

– Что ж... вольному воля, ты сам выбрал... – тихо сказал Арнольд Михайлович и тотчас пожалел: не стоило начинать вечер с упреков.

Впрочем, Федор его не услышал или сделал вид, что не услышал.

– Так это ж Таська облажалась с локейшеном. Я тебе говорил, мы с ней едем... – Опрокинув стопку, Федор довольно крякнул и сразу налил себе вторую.

– Ну-ну... собаку Шульца звали Эмма.

– Какая Эмма? Таська.

– Учите матчасть, молодой человек, – назидательным тоном произнес Каратов, – это сцена вранья из «Летучей мыши». И вообще, мне уже все донесли, что ездил ты не только с Антониной, но и...

– Ну да, мы втроем ездили... А что такого?

– А то, что однажды кто-нибудь из этих бесчисленных дамочек тебя захомутает, и тогда плакала твоя карьера... – Нырнув головой в холодильник, Арнольд Михайлович принялся доставать оттуда закуски: зеленый микс-салат, к нему соус, рыбу, колбасу, маслины... – А сейчас ты откуда?

– С репетиции.

– Значит, самое время поесть.

– Самое время повеситься! – буркнул молодой человек и стянул кусок семги, которую Каратов нарезал и раскладывал на тарелке.

– Рыбка, к слову, самосольная, очень недурственная! Теодор, будь ангелом, отнеси это на стол.

Облизнув пальцы, Федор картинно поднял над головой хрустальную миску с зеленым салатом и устремился в комнату.

Через несколько минут хозяин и его гость уселись за стол и приступили к ужину.

Федор ел молча, быстро, жадно, много пил, в разговор вставлял лишь короткие замечания, но, утолив первый голод, заметно повеселел.

Каратов подал горячее – дымящиеся антрекоты с овощами-гриль.

– Арни, скажи, как ты все-таки это мясо жарить? – в устах Федора, который молниеносно разделался с первым куском и сразу приступил ко второму, вопрос звучал как высшая похвала. – Блин, у меня, по ходу, то сухое, то жесткое получается. Че я не так делаю?

Каратов расплылся в самодовольной улыбке:

– Евреи, кладите больше заварки, в смысле, покупайте парную телятину. – И он положил Федору еще кусок. – Расскажи, как ваши гастроли?

– А что гастроли? Отлично, как обычно. В Лондоне я уже был. А деньги те же, что и в Москве. Родная бухгалтерия меня вдобавок на обмене наколола. Пока наши палки в рубли, а потом в фунты переводила. О, хочешь прикол?

– ?

- В этот раз наша Юрова опять стриптиз устроила!

- То есть?

- Да вышла в «Баядерке» в шароварах, а белья-то под ними и нет. - Федор вскочил и, изображая, отставил ногу в арабеск, а потом сделал наклон пор де бра.

Каратов засмеялся:

- Что, совсем без белья?

- Ну, может, стринги и были, но шаровары-то прозрачные. Голый зад светится, как абажур, мужики в партере, понятно, слюни пускают.

Арнольд Михайлович поставил на стол сырное блюдо и вновь наполнил бокалы. После водки Федор перешел на вино и быстро пьянел. Сам же Каратов пил осторожно, ибо знал свою норму.

- И что же Юровой сказал лондонский зритель?

- А что ей скажешь?! У нее ж папик в папи-чительском совете.

- Но балерина она все же способная, - возразил Каратов. С конца восьмидесятых он работал балетным агентом, последние годы возглавлял собственное продюсерское агентство и отлично разбирался в предмете. - Данные у нее прекрасные, трудяга и на редкость артистичная.

- От этих ее данных Денисенко третий месяц спину лечит! - зло буркнул Федор, запыхтел, взял бутылку, наполнил бокал, только свой, Арнольду не предложил, и залпом выпил.

«Эх, можно вывести человека из Малой Буйловки, но Буйловку из человека не выведешь никогда», - усмехнулся Нолик, впрочем, снисходительно, по-доброму. Он понял, что разговор о театре раздражает Федора, и решил проверенным способом сменить тему.

– Ой! Теодор, вылетело из головы! Я же тебе кое-что... – Каратов взял с буфета небольшую коробочку, – ...кое-что привез из Нью-Йорка. Знаю, ты любишь такие штуки. Открывай, открывай!

– Это же последний «Айфон»! – по-детски восторженно воскликнул Федор, вскочил и снова, как в прихожей, обнял Каратова и расцеловал в обе щеки. Увлеченный подарком, он стал рассказывать о каких-то новых замечательных опциях телефона, а счастливый даритель улыбался и слушал, не понимая и половины слов из его технологического монолога.

Потом Федор выпил еще бокал вина, и настроение у него, без всяких видимых причин, резко переменилось. Он вдруг насупился, потемнел и, глядя исподлобья на Каратова, заговорил каким-то чужим, ядовитым голосом сначала о том, что Каратов, мол, настоящий друг и что он ему очень признателен, хотя сам этой дружбы не стоит.

Затем, без связи, Федор вдруг перешел к некой антрепризной постановке, в которой «один мужик» предложил ему ведущую партию.

Внешне спокойно Каратов слушал пьяный монолог, хотя на самом деле напрягся:

– Некто – это кто? Теодор, чего темнить, я знаю наперечет всех, кто серьезно работает в теме.

Но от расспросов Федор отмахнулся, «чтоб не сглазить», мимоходом пролив вино на скатерть.

– И вообще, ты не ребенок, должен понимать, что обещать – не значит делать, – прибавил Каратов.

И тут Федора будто прорвало:

– А сам-то ты делаешь?! – Он вскочил, речь его сделалась быстрой, громкой, лаистой. – Ты меня семь лет своими обещалками кормишь! Как болонку на поводке держишь! Конечно, он дурак, ничего не понимает. А мне, между прочим, уже не 20. Либо сейчас, либо никогда! Дальше поздно будет! Я, блин, договорюсь! – передразнил он Каратова. – Только договоры твои ни хрена не

работают. А может, ты просто не хочешь? Тогда так и скажи. Другие найдутся! – Последнюю фразу он буквально выкрикнул в лицо Арнольду Михайловичу.

– Послушай, Федь, во-первых, не ори, успокойся. А во-вторых, я действительно звонил вашему Душкину. – Каратов говорил чистую правду. С Душкиным, педагогом-репетитором Федора, он разговаривал два раза, потом еще напоминал, что само по себе было чересчур. – Ты можешь мне не верить, но факт остается фактом – я с ним разговаривал! И он мне обещал. Другое дело, что в нынешней постановке от него мало что зависит. Не он решает.

– Бла-бла-бла! В прошлый раз ты то же самое говорил, когда я готовил танец с барабанами. И что? Хрена лысого! Сейчас обещали ввести в «Баядерку». Я, между прочим, Варьку Ливневу еле уговорил, чтоб мы вместе с ней номер показали. А они посмотрели на нас, похвалили и заткнулись. Сегодня в план глянул, и опять в пролете! Нолик, у меня три спектакля в этом месяце, и все – старье!

– И все три – афишные! – перебил Каратов. – Если хочешь работать, тогда почему от Японии отказался?! Между прочим, я специально под тебя пробил эту поездку. И деньги там хорошие!

– Да сколько можно? Одно и то же, одно и то же! Голубые сарадины, русские куклы, танец мимов, шестерка вальса... Блин, если б я не тянул, работал вполноги, тогда понятно. Слабый танцовщик – иди в жопу! И не в бабках дело! Я хочу танцевать, хочу успеха, славы, чтоб по телику показывали, хочу миллионы просмотров на «ютьюбе».

– Нет, Федька, ты очень хороший танцовщик, яркий, самобытный... Я не раз тебе это говорил. Я искренне хочу помочь. Да будь моя воля, ты бы давно стал премьером и танцевал весь репертуар! Ну нет у меня выхода на вашего худрука. Нет! Я, увы, не Фея-Крестная, волшебству не обучен! – убеждал, почти молил его Арнольд Михайлович, которому трудно было признаться в том, что он что-то не может. Федор внял, вернулся за стол и вперился в Каратова пьяным взглядом. Улыбка, похожая на судорогу, скользнула по его лицу, он потянулся к бокалу. Каратов мягко остановил его руку.

Как с листа, он читал все мысли своего визави:

«Славы ему хочется, телевидения... А как на 60 тысяч рэ в месяц жить, уже и позабыли, молодой человек? За дядей-агентом сытно и благополучно, как за каменной стеной. Семь лет прошло, а он уж и не помнит, каково без его “скучных” контрактов!»

Да, Федор грубил, грубил намеренно, но все же за черту не переходил! Как говорится, мосты не сжигал. Арнольд сразу это отметил и немного успокоился. Рассказ о некой антрепризе был чистой воды вымыслом. Никакого «мужика» у Федора нет. Так, пьяные бредни... Но от встречи к встрече он становился все требовательнее. «Он однажды уйдет», – подумал Каратов.

– Фея-Крестная, разреши рожу умыть, – хохотнув, буркнул Федор и встал из-за стола. Он и сам чувствовал, что его развезло. По дороге он задел кресло и выругался.

Около полуночи Каратов проводил Федора до такси – того сильно штормило, – назвал адрес и расплатился.

Уже завалившись на заднее сиденье, Федор вдруг засмеялся, высунулся наружу и громко икнул:

– П-прощай, Фея-Крестная!

Каратов вернулся к себе, заученными движениями, как автомат, убрал со стола и помыл посуду. Сердце щемило, спать не хотелось. Он включил телевизор, налил себе вина, но прежде решил переодеться. Окинув недобрым взглядом безупречно застеленную кровать, он посмотрел на свое отражение: «Фея-Крестная! Ручки у тебя короткие, Арнольд Михайлович. Раньше все всегда мог: и бандитов в девяностых убалтывал, и директоров театров очаровывал, из акул-продюсеров веревки вил, а теперь... Нолик, пустое место!»

От собственного бессилия ему вдруг очень захотелось плакать. Как в детстве, когда он плакал, а мама его успокаивала, и все горькие мысли сразу уходили. Но мамы больше нет...

6. После кражи

Поклонников миллион, а в аптеку сходить некому.

Фаина Раневская

– Арина Ивановна, надеюсь, вы не возражаете против записи нашей беседы? – спросил ее следователь, тучный, лысый мужчина, слегка за пятьдесят, с добродушным лицом, представившийся Глебом Сергеевичем Павленко.

– Нет, не возражаю, – ответила она.

– Значит, если я правильно понял, пропавший экспонат музею не принадлежал? И все же он как-то попал на выставку? – проговорил следователь и включил диктофон.

– Вы поняли правильно. О его включении в экспозицию я договаривалась с частным коллекционером, – отозвалась Арина, говорила она спокойно, медленно, потому что с утра напилась успокоительного – в движениях и речи появилась приятная плавность.

Допрос происходил в зале музейного лектория, который на время оперативно-следственных действий приостановил свою работу.

Это был уже повторный допрос, хотя сами полицейские почему-то жеманно называли его «беседой». «Давайте побеседуем с вами».

В первый раз, сразу после кражи, с Ариной «беседовал» прыщавый молодой парень, наглый, нервный, очень противный. Потом он «побеседовал» с Мариной Эдуардовной, с которой случилась истерика, затем – со смотрительницей зала Раисой Петровной. На следующий день дамочку отвезли в больницу с гипертоническим кризом, и прыщавый больше не появлялся.

Но осадочек, как говорится, остался.

Да уж, шутки в сторону, в музее произошло настоящее ЧП, поэтому весь коллектив сотрудников буквально стоял на ушах. Новость о краже мгновенно разлетелась по Москве, и уже на следующее утро у входа толпились репортеры.

Руководство в ожидании высокого министерского решения попряталось по кабинетам и хранило молчание. Сотрудники тоже не давали никаких комментариев. Атмосферу, царившую в это время в музее, можно было бы охарактеризовать одним емким словом – страх. Люди боялись не просто потерять работу, а быть уволенными по статье, с волчьим билетом. В итоге журналистам пришлось общаться с говорящей головой из пресс-службы МВД.

Следователь Павленко оторвался от своих записей, отер носовым платком потный лоб и внимательно посмотрел на Арину.

– По вашим словам, у музея – обширные фонды. Неужели этот... экспонат нельзя было чем-то заменить?

– Во-первых, в наших фондах ничего подобного не нашлось. – Арина вяло усмехнулась, понимая, насколько это бессмысленно – объяснить следователю, как формируется подобная экспозиция. – Хотя, конечно, если рассуждать теоретически, то можно было бы и не привлекать частных коллекционеров. Но тут, понимаете, как бы вам это... Представьте, допустим, что на выставке, посвященной Феликсу Дзержинскому, все экспонаты один к одному: фуражка, кожанка, сапоги, но нет его любимого «нагана», – попыталась пошутить Арина, но шутка следователю не понравилась.

– Кхэ... очень популярно объяснили. – С кислой усмешкой он склонился над своими бумагами.

– Простите, не хотела вас обидеть, – смешалась Арина. – Ну а во-вторых, сам факт участия в выставке таких известных коллекционеров, как Григорий Борисович Лейбман, может привлечь внимание. Имя громкое, понимаете? После того как он дал свое согласие, у выставки сразу появилась группа поддержки, нами заинтересовалась пресса. Очень достойный был господин. Светлая ему память.

– Если не ошибаюсь, он скончался месяц назад?

– Да, примерно так. Больное сердце, ему уже под восемьдесят было.

Следователь понимающе закивал:

- На некоторые вопросы, Арина Ивановна, вы уже отвечали моему коллеге, но я хотел бы кое-что повторить.

- Конечно-конечно, - согласилась она, а про себя отметила, что нынешний следователь заметно отличался от того, который всех обхамил.

- Так вот, все-таки по поводу денежного эквивалента похищенного артефакта?..

- Его стоимость, как я уже объясняла, установить сложно. Такие вещи в комиссионках не продаются, только с аукционов. И потом дело же не в деньгах...

- Понятно, - закивал следователь и, черкнув что-то в своих бумагах, задал следующий вопрос: - Что ж, тогда давайте поговорим о личности предполагаемого преступника. Есть ли у вас какие-то предположения, кому эта вещь могла быть настолько интересна?

- Ответ напрашивается сам собой. Наша выставка как раз об этом - поклонниках великого таланта. У Сергея Яковлевича Лемешева их было немало. Они не то что ежедневники, а перчатки, галоши, носовые платки у него перли, пуговицы отрывали! Для них пуговица кумира была равнозначна бесценному сокровищу.

- И вы это серьезно? - с недоверием переспросил Павленко.

- Абсолютно, - ответила Арина. - Вам все это кажется чем-то несерьезным, фантастическим, потому что вы не театрал.

- Увы, не сложилось.

- Жаль, жаль, в том смысле, что, будь вы театралом, вам было бы понятнее, на что способны почитатели талантов, таких как Лемешев, тех, кто снискал всенародную любовь!

- Что ж в СССР так любили оперу?

- Почему же, не только оперу. А кино, а драмтеатр, а в балете какие были имена! Плисецкая, Васильев, Максимова, Лиэпа, Семенова, Лепешинская... Людям нужны кумиры! - воодушевилась Арина. - Вот вам пример, у Галины Сергеевны

Улановой, надеюсь, не надо объяснять, кто она такая, была поклонница, американка. Звали ее Эвелина Курнанд. Так вот, эта Эвелина ездила за Улановой по всему миру, следила за всеми ее выступлениями и лишь через двенадцать лет решилась подойти к ней и познакомиться. Она в прямом смысле боготворила балерину! Надо отметить, что Курнанд была богатейшей женщиной Америки, и никакие железные занавесы не мешали ей присылать подарки своему кумиру: свежие цветы, духи, платья, шубы. После смерти она завещала Улановой все свое состояние, все, включая коллекцию театральных артефактов. Сейчас, кстати, она выставлена в музее балерины.

– Надо же, какой фанатизм. Я-то думал, что этим страдают только подростки, – протянул Павленко, который слушал свою визави, не перебивая, и на лице его нарисовался неподдельный интерес. – Наверное, эта Эвелина была одинокой? Отсутствие личной жизни и все такое... – предположил он.

– В случае с Курнанд вы угадали... Заполнение пустоты за счет чужой, более насыщенной, сценически привлекательной жизни. Это уже вотчина психологов, пусть они объясняют, в чем заключается феномен или мания поклонничества, – ответила Арина. – Я лишь перечисляю вам некоторые факты, среди которых известны и такие, когда замужние и, казалось бы, вполне благополучные женщины, узнав о смерти своего кумира, совершали акт самоубийства. Так было, когда умер Рудольфо Валентино, актер немого кино, секс-символ 1920-х. Кстати, вспомнила, два самоубийства произошли и на могиле Лемешева в 1977 году.

– Но это же болезнь?! – воскликнул Павленко.

– Да, в крайних своих проявлениях поклонники – люди с больной психикой, – согласилась Арина, искренне удивляясь тому, как мало похож этот их разговор на допрос. – Вот вам еще один вопиющий случай, возможно, вы о нем слышали, с похищением из могилы тела Чарли Чаплина!

– Того самого? Который... «Огни большого города»? Но зачем?

Арина пожала плечами:

– Я предполагаю, что в душе у каждого поклонника живет мечта о некой сказке, которая гонит его из дома – от серой скучной обыденности на поиски идеала, кумира, талантливого, харизматичного, сексуального. И эта мечта побуждает

его к действию. Если для подавляющего большинства поклонников главным является служение своему кумиру, то у нездоровых, психически нестабильных людей мечта обретает болезненные формы: патологическое стремление к сексуальной близости с артистом, ревность, месть из-за какой-нибудь ерунды, фетишизм...

– Фетишизм? – переспросил Павленко. – Вот про это, если можно, поподробнее.

– Думаю, фетишизм поклонников имеет нематериальный характер, – после паузы ответила Арина. – Известно, к примеру, что одна фанатичная дамочка воровала окурки из пепельницы Александра Блока и хранила их в коробочке под подушкой. А у актрисы Варвары Асенковой однажды украли огарок свечи, при свете которой она учила свои роли. Сейчас мало кто помнит Асенкову, а если и вспоминают, то только в связи с выходками ее поклонников. Один из них, вероятно, отвергнутый и желавший отомстить, как-то раз скупил первый ряд партера в день ее спектакля и посадил в него лысых мужчин. В зале начался жуткий хохот. Актриса убежала за кулисы, представление было сорвано. – Увидев сияющую лысину собеседника, Арина осеклась.

Но тот вполне себе добродушно отпустил короткий смешок.

– Да уж, над нами, лысыми, все смеются. Должен вам заметить, Арина Ивановна, что вы очень интересный собеседник, – произнес он с улыбочкой и продолжил: – Однако все, что вы рассказываете, дела давно минувших дней. А у нас на дворе – XXI век. Лемешев умер в 77-м году, и сейчас его поклонникам, пусть даже самым молоденьким, должно быть уже под семьдесят. И как это, по-вашему? Старики-разбойники спланировали и осуществили кражу в музее? Правдоподобно ли это?

– Знаете, лет двенадцать тому назад из музея пропала очень ценная запись Гостелерадио, единственная в своем роде, когда Лемешев пел Вертера Масне. Я тогда здесь не работала, поэтому все обстоятельства похищения мне неизвестны... – подумав, отозвалась Арина. – Однако похититель известен всем. Эту запись украли давняя поклонница тенора, весьма неприятная особа и очень пожилая. Все знают, что взяла она, но сделать ничего не могут. Сколько раз ездили к ней домой, просили отдать, но старуха с характером, обругала всех и даже дверь не открыла. Она и сейчас, кажется, жива. Могу вам ее адрес черкнуть.

Павленко нахмурился:

– Непременно адрес ее мне... Но вернемся все же к украденному ежедневнику. Возможно, в нем что-то было такое... примечательное?

– Да нет, обычные записи. Там и о работе, Лемешев в это время уже преподавал, и о личном. Семейные праздники, сувениры жене, дочери. Визиты к друзьям. Кое-какие имена, номера телефонов...

– Есть ли фотокопии страниц ежедневника?

– Мы делали копии только того, что было нужно для выставки, – размышления артиста о поклонницах.

– Жаль, жаль, жаль... А теперь, если не возражаете, поговорим про день кражи. – И Павленко посмотрел на часы. – Скажите, как так получилось, что в ту пятницу сразу после экскурсий был назначен демонтаж выставки? Разве так делается?

– Вы правы, обычно демонтаж проводится после закрытия. Но бывают исключения, – уклончиво ответила Арина. Она дипломатично умолчала об участии директора в этом вопросе и принялась объяснять про сжатые сроки, про Тамбов и про следующую, стоящую в плане юбилейную выставку.

В это время на столе перед Павленко зазвонил мобильный, бросив взгляд на дисплей, тот извинился и вышел. Разговор, по всей видимости, был неприятный – вернувшись, он больше не улыбался, лишь досадливо кивнул на часы и предложил продолжить разговор в следующий раз:

– Спасибо вам, Арина Ивановна. Очевидно, нам придется встретиться еще раз. Я бы попросил вас никуда не уезжать из Москвы.

Когда Арина была уже в дверях, Павленко окликнул ее:

– Кстати, по поводу сигнализации. Простите, кто дал указание ее отключить в день кражи?

* * *

Познавательная «беседа» со следователем наконец закончилась, равно как и действие успокоительных таблеток. А ведь Арине еще нужно было зайти к начальству – утром ей звонил Кабулов.

«Вот молоток мужик! В конце концов, вся эта жуткая запарка последних дней на его совести! – размышляла она и злилась. – Сам же настаивал. Мол, не волнуйтесь, отработаем день, а демонтаж начнем часов с пяти. Аргументы приводил, дескать, шефские группы, статистика для министерства». И вопреки отчаянным протестам Арины размахисто подписал приказ.

В итоге этого последнего дня и не хватило! Правда, тогда, на мажорной статистической ноте, Кабулов подмахнул Арине трехнедельный отпуск:

– Не вопрос! Закроете выставку и отдохнете.

Администрация музея находилась в другом здании, через дорогу, минута ходу. И Арина вернулась к себе за плащом – в конце октября погода не радовала. На ближайшую неделю обещали дожди. Отличное отпускное времечко!

В вестибюле Арина наткнулась на Софью Семеновну и Дину, ее сменщицу, которой посчастливилось не работать в ту роковую пятницу. А вот Софья Семеновна, всегда такая улыбчивая и жизнерадостная, заметно сникла. Женщины стояли у кассы и вполголоса переговаривались, почти шептали, теперь в музее все так говорили – тихо, вкрадчиво, скорбно, как в доме покойника.

– Ой, Ариночка, вас Кабулов спрашивал, – шепотом сообщила ей кассирша, выдавив из себя слабую улыбку. – Кстати, вы уже слышали последние новости? Помните, на последней экскурсии была посетительница в красном кашне и зеленой кофте? – в ее шепоте прозвучали заговорщицкие нотки. – Вы подошли, а мы еще тут все вместе беседовали...

Арина кивнула.

– Так вот, Ариночка, это красное кашне – наводчица! Ох, нет! Те двое из органов как-то по-другому ее назвали. Забыла, как... Но смысл такой, что она специально наводила суматоху, то есть привлекала внимание к мужчине, а тому якобы стало плохо. Помните, как она орала? А сердечный приступ-то был фальшивый!

– А царь-то ненастоящий! – с улыбкой произнесла Арина, хотя на самом деле удивилась. Она отлично помнила и ту бойкую, нарядившуюся, как попугай, тетку, и несчастного сердечника, которому тогда совершенно искренне сочувствовала. Все выглядело настолько натурально, что даже страшно.

– Невероятно! – протянула она. – Так вам Павленко это сказал, следовательно?

– Нет, не он... – запнулась Софья Семеновна. – ...Так получилось. Просто полицейские проходили мимо и разговаривали между собой, а я в кассе сидела, вот они меня и не заметили, задержались тут и все обсуждали. Они говорили, что преступников было трое: сердечник, красное кашне и еще кто-то третий, который под шумок вытащил из витрины ежедневник Сергея Яковлевича. Я только потом сообразила, какой словесный портрет они просят. Не запомнила ли я кого? Вас тоже об этом спрашивали? Нет? А еще, знаете, слух прошел, – погрузнев, продолжила кассирша и скорбно качала головой, – что у нас предстоят серьезные кадровые чистки. Конечно, в первую очередь от стариков будут избавляться. Так что недолго мне тут с вами осталось. Но вам-то, Арина Ивановна, об этом даже беспокоиться не стоит.

По правде сказать, Арина и не беспокоилась. На своей работе, в должности заведующей научным отделом, она чувствовала себя вполне уверенно. Далекое не все в музее имели научную степень и научные труды. Впрочем, что такое сейчас кандидат наук! И разве в этом дело?! Нет, конечно. Дело было в том, что общий уровень подготовки новых, поступающих в музей сотрудников был крайне низок. Молодежь приходила или недоученная, или вовсе не образованная, но что хуже всего – случайная, равнодушная. Приходили, чтоб пересидеть год-другой. Ну да бог с ней, с молодежью! Откровенно говоря, и сама Арина в последнее время все чаще стала задумываться об уходе. Конечно, белая зарплата, соцпакет – в 39 лет не пустой звук. Но бюрократия задавила: отчеты, методички, научные темы, тексты лекций, статистика. Весь этот чертов ворох никому не нужных бумаг «для галочки»! Казенщина, формализм! Может, взять да и бросить все? Ведь по здравому рассуждению она уже давно заработала себе имя. В среде московских критиков, театроведов, балетоведов ее хорошо знали и, наверное, уважали, коль скоро спрашивали мнение. Не разумнее ли будет

работать из дома, сидеть, так сказать, на заказухе. Коммерческие рецензии, статейки, заметки, обзоры, спектакли, выставки, фестивали... Шляйся себе по премьерам, презентациям, а потом седи дома и пиши. И никакой тебе бюрократии!

* * *

Попрощавшись с кассиршами, Арина вышла на улицу. В нос ударил запах прибитого дождем автомобильного выхлопа – дух Садового кольца, чадного, шумного, суматошного. И погода бодрости не прибавляла – мышинное небо, на дорогах от автомобильных колес пенятся лужи-океаны. Арине вдруг стало неуютно, как от сквозняка. У входа в здание дирекции это ощущение усилилось и переросло в тревогу.

В фойе стояла непривычная тишина. Она шла по коридору и не слышала собственных шагов: всюду пол был застелен ковролином. Остановившись у кабинета с табличкой «Кабулов В. Т.», Арина хотела постучать, но из-за двери, которая оказалась неплотно прикрыта, донеслись голоса.

– Для меня это новость! – басил Кабулов. – Меня не поставили в известность.

– В том-то и дело, что вы не в курсе. Но я-то знаю, что супруг не хотел. Он с самого начала был против! – тягуче выпевал в ответ чей-то женский голос. – А эта ваша кураторша, как танк, давила, настаивала, требовала, она просто руки выворачивала мужу. Вы меня извините, но такое и здоровый не выдержит.

– Да уж... – вяло отозвался Кабулов. – Что же вы мне раньше не сообщили?

Женщина продолжила:

– А у Григория Борисовича – сердце больное. Он тогда согласился, а потом весь испереживался, изнервничался, таблетки горстями глотал. Вот и не выдержал!

Арина остолбенела – в кабинете Кабулова сидела Лариса Лейбман, вдова Григория Борисовича Лейбмана, и нагло, бессовестно врала.

«Эта шелковая книжица – вам как лыко в строку», – тотчас вспомнились ей слова старика. Ни о каких уговорах даже речи не шло! Едва узнав о готовящейся выставке, Григорий Борисович позвонил ей сам. Разумеется, потом по ходу работ возникали некоторые шероховатости, без них никуда. Но это так, мелочи, к делу не относятся...

В кабинете загремели стулья, вдова стала прощаться, но перед уходом вспомнила, что не допела финальную арию:

– Я надеюсь, вы меня поняли, Виктор Тихонович. И вот еще что... Я, конечно, извиняюсь, но мне тут намекнули, что эта ваша кураторша – темная лошадка. Так, может, все и не случайно?

Из-за двери кабинета директора повеяло такой гадкой мутью, что Арина едва удержалась на ногах. Она так и не узнала, что ответил вдове Кабулов. Зайдя за угол, чтоб с ней не встретиться, она выждала минут десять – надо было хоть немного успокоиться – и набрала номер директора:

– Простите, Виктор Тихонович, что задержалась. Могу сейчас к вам зайти, если что-то срочное? – проговорила Арина, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

– Сейчас? – переспросил Кабулов. – Нет, пожалуй, мнэ-э-э.... необходимость уже отпала. Лучше завтра.

– Так я же с завтрашнего дня в отпуске.

Кабулов про отпуск забыл. В трубке повисло угрюмое молчание:

– Но вы же в Москве остаетесь, никуда не уезжаете? – ледяным голосом спросил ее Кабулов.

– Нет, никуда не уезжаю, меня уже предупредили... – повторила Арина, хотя больше всего в этот момент ей хотелось выкрикнуть в директорское ухо, что она уезжает очень далеко и вряд ли когда-нибудь вернется.

* * *

По дороге домой Арина купила бутылку коньяка. Пожалуй, без него скоротать вечер не получится. Навалилась страшная усталость, но, слава богу, через четверть часа она была в своем Большом Татарском переулке.

Какое же это благо – жить недалеко от работы, в центре старой Москвы, где все еще тихо и уютно.

Замоскворечье, малая родина Арины, – место особенное, отличное от той Москвы, левобережной, парадной, кремлевской, может, поэтому район этот лучше сохранился, уцелел от слома. Здесь все как будто меньше, уже, ниже, уютнее, без столичного размаха, великосветского блеска. Недаром Замоскворечье раньше не считалось городом, а было вроде окраинной деревни, но со своей непростой историей. Как вам эти топонимы – крымский, татарский, ордынский, толмачевский? Ничего не напоминают? Вот именно. Здесь был татарский стан, переправа, брод. Отсюда во время набегов Орда переправлялась через реку. Но кровавое прошлое осталось в прошлом. И теперь одни названия помнят об этом. Шло время, Замоскворечье менялось, пока не превратилось в купеческо-мещанское царство, тихое, сонное, патриархальное, с мухами, самоварами, свахами и Бальзаминовыми, о которых писал Островский. Именно здесь, на Ордынке, он родился, крестился и вырос. А еще здесь родился Павел Третьяков, чью былинно-фольклорную усадьбу позднее превратили в галерею. Ну да про это знают все. К слову, творческая интеллигенция тоже оценила и полюбила удаленное от центра «заречье» – тишина, атмосфера покоя способствовали работе. К примеру, на Пятницкой жил и писал своих «Казakov» Лев Толстой, на Малой Полянке творили Фет и Григорьев. В переулках Ордынки запечатлел «московский дворик» Исаак Левитан, а на Якиманке – замученный многочисленной родней, выкраивал для мировой литературы редкие ночные часы врач-интернист Антон Чехов. «Квартира моя за Москвой-рекой, а здесь настоящая провинция: чисто, тихо, дешево и... глуповато», – сказано по-чеховски, ни убавить, ни прибавить...

Поднимаясь по лестнице, Арина услышала, как щелкнул дверной замок: на пороге стояла Царица Тамара, во всей своей величественной стати – ждала и улыбалась, улыбкой сдержанной и немного загадочной – значит, жди сюрпризов. Мать любила преподносить сюрпризы, но сегодня Арине было определено не до них. Ей хотелось есть, пить и спать. И ни о чем не думать, забыть про Кабулова и про лысого следователя, а молодую вдовушку Лару Лейбман просто ластиком стереть из памяти. Короче, «я б хотел забыться и уснуть!».

– Деточка, ты, наверное, голодная? Я тут кое-что приготовила... – ангельским голосом произнесла мать, рука с идеальным маникюром описала в воздухе неясную фигуру, изобразив, вероятно, то, что ожидало Арину на ужин. И та застыла, словно ее окатили ледяной водой.

Тамара Павловна не умела и терпеть не могла готовить, впрочем, любую другую домашнюю работу она тоже не жаловала. Отсюда и пошло – Царица Тамара, – так ее называли домашние, дочь и муж. Иван Петрович очень гордился красавицей женой, в красоте которой, к слову, не было ничего кавказского, скорее театральное. Тамара была похожа на Марию Николаевну Ермолову на том знаменитом портрете Серова. В ней все было царственным: осанка, посадка головы, шея, руки, жесты, походка... А еще в ней было какое-то невообразимое, неизвестной этиологии барство. Папа называл это «неприспособленностью». Тамара не умела и не занималась домашним хозяйством и вообще никогда не делала того, чего делать не хотела. При папе с его внушительной зарплатой они могли себе позволить домработницу, в доме царили мир и достаток. Для своих любимых женщин Иван Петрович был скалой и броней, а когда он умер...

Нет, о том страшном времени, когда папы не стало и вся их с Тамарой глупая, стрекозиная жизнь лопнула, как пузырь, Арина предпочитала не вспоминать, идти вперед, не оборачиваясь, ковылять как может. Но самого отца, любимого, дорогого папочку, Арина не забывала никогда.

* * *

Тут, пожалуй, стоит рассказать о той ее жизни, когда деревья были большими...

Имя Арина ей дал отец. Так они с Тамарой договорились: если родится мальчик, Тамара хотела и ждала мальчика, то имя выберет она, если девочка – то Иван Петрович. С этого все и пошло. Арина родилась папиной дочкой. Еще в самом нежном возрасте стало понятно, что девочка – точная копия отца: тот же высокий выпуклый лоб, те же победные, взлет брови, те же смоляные глаза со смешинкой, тот же упрямый подбородок с ямочкой. А от красавицы матери – ничего, ни черточки, даже обидно как-то. Да и характером девочка пошла в отца: независимая, самостоятельная, настойчивая. Вроде совсем еще малышка, но все рвалась делать и решать сама, а уж если что решила, то железно стояла на своем, не сдвинешь. Тамаре Павловне приходилось с ней трудно. От упрямства дочери у нее начинались мигрени. Раньше-то она думала так: если

девочка, то, значит, будет сидеть себе на кружевной подушечке и кукол наряжать. Но Ариша этих несчастных кукол не наряжала, а разбирала на части: ноги, руки, голова, скальп – все по отдельности. Она предпочитала им конструкторы, машинки, головоломки, а еще любила бегать, прыгать, кричать и драться с мальчишками.

– Ну что за ребенок мне достался! Не девочка, а бандитка какая-то, сорвиголова. Никакой мягкости в ней, женственности, и упрямая, как ослица. Имей в виду, Ваня, я с ней не справляюсь! – приложив лед к вискам, жаловалась мужу Тамара Павловна, наблюдая из окна, как нянька Наташа бежит за Ариной по двору.

– Тома, ты, главное, не нервничай и прими витамины, – успокаивал ее Иван Петрович. Он слегка подтрунивал над вечными Тамариными недомоганиями: супруга любила поболеть и полечиться. – У нас с тобой чудесная девочка и, слава богу, здоровенькая.

Дочь свою он просто обожал, души в ней не чаял и всегда легко находил с ней общий язык. Вместе они играли, гуляли, рисовали, читали, хохоча до слез над «Алисой», «Карлсоном», «Винни-Пухом». Иван Петрович очень заразительно смеялся, много шутил и умел шутить, рассказывал разные смешные истории из своего детства, из школьной жизни. Чего стоил его рассказ про одноклассника Вальку Родина! Это когда девочка-старшеклассница зашла к ним на урок и сказала, что Родина мать зовет. Внизу, мол, в вестибюле дожидается.

И сколько их было, этих историй!

Несмотря на свою бесконечную занятость, частые командировки, отец всегда старался выкроить время для дочери. За что Тамара Павловна обижалась на супруга и даже немного ревновала.

Хотя напрасно – у Ивана Петровича было большое (увы, не очень здоровое) сердце, в нем хватало места для обеих женщин.

Отец работал в Первом Главном управлении КГБ и очень неплохо зарабатывал. Вся его профессиональная деятельность находилась под грифом секретности, поэтому о работе он никогда никому ничего не рассказывал. А вот полезными навыками, приобретенными за высокими стенами ПГУ[З - Первое Главное управление КГБ СССР – структурное подразделение Комитета государственной

безопасности, отвечающее за внешнюю разведку, существовало с 1951 по 1991 год.], он охотно делился с дочерью. Хитроумные головоломки, задачи, упражнения для развития логики, внимания, памяти, мнемоника, скороговорки – все это очень пригодилось ей и в школе, и в институте, и вообще в жизни.

Однако на выбор будущей профессии дочери, как это ни странно, повлияла мать. Когда-то давным-давно Царица Тамара окончила отделение искусствоведения МГУ и даже год отработала в Министерстве культуры.

– Историк, искусствовед – хорошая профессия для женщины, главное, мирная, безопасная... – одобрил выбор Иван Петрович.

* * *

Приняв душ и переодевшись, Арина пришла на кухню.

Обстановка на кухне, как и в квартире в целом, хранила следы дорогого, но очень давно обветшавшего ремонта с некоторыми робкими современными вкраплениями. Деревянный кухонный гарнитур производства Финляндии – мечта хозяек конца 1980-х, югославские стол, стулья и мягкий уголок с потертой обивкой, над столом – стилизованная под старину гэдэеровская лампа, по стенам – полки из ИКЕА с гжельской сувениркой и старинными самоварами. Композицию завершала стоящая на окне большая птичья клетка – кружевной домик домашнего питомца Генки, волнистого попугая с нелегкой судьбой.

Бросив беглый взгляд на халат дочери, Тамара наморщила было лоб, но смолчала – сама она не признавала дома ни халатов, ни тапок, только домашнее платье и мягкие туфли на небольшом каблучке. Тема одежды вообще была вечным поводом для стычек.

Сев за стол, Арина приступила к ужину. Мать в кротком молчании сидела и смотрела на жующую дочь:

– Ну как, вкусно?

Арина согласно мотнула головой и выпила рюмку.

Горькую пережаренную печенку с сухим рисом без коньяка пропихнуть в себя было невозможно, как и ругать Тамарину вкуснятину. По сути, ужин был логичным завершением сегодняшнего «мегаудачного» дня.

Тамара просияла.

– Даже не верится, что я с завтрашнего дня в отпуске, – произнесла наконец Арина и, подняв рюмку, чокнулась с Тамарой.

– Правильно, Ариша, я тебе давно говорила, что пора отдохнуть, заняться собой, своим здоровьем...

– Звучит чудесно, но дома-то мне тоже придется работать. Завтра весь день буду сидеть над каталогом, а там начать и кончить. Как сказал классик: «Праздная жизнь не может быть чистою!»

– ...И еще, деточка, тебе надо обязательно сходить в парикмахерскую. Ты ужасно обросла... – вздохнула Тамара. – Мне кажется, эта стрижка тебе не идет.

– Каталог надо сдать кровь из носу, Шитиков ждать не будет. У него выставка открывается через три недели... – Арина задумалась про свое.

– Через три недели, – эхом повторила мать. – Знаешь, Ариша, сегодня звонила Людмила и предложила путевку в «Бекасово» за полцены. Там все-таки очень хорошие процедуры: кедровая бочка, жемчужные ванны, кислородные коктейли, массаж... Как ты считаешь, полный курс с 50 %-ной скидкой – это же неплохо? – реплика, переданная с поистине ермоловской глубиной, завершилась паузой.

«Ну наконец-то! Вот он – гвоздь сегодняшней программы, экстракт пережаренной печенки! Примерно этого и следовало ожидать».

Тамара не договорила, и не договорила с расчетом, она никогда ничего не просила, точнее, никогда не вербализировала свои просьбы. Вот и сейчас она ждала, пока Арина сама не предложит ей желаемое, но дочь молчала.

Уцененные жемчужные ванны шли по той же цене, что и черное кашемировое пальто, которое она присмотрела себе в магазине на Пятницкой.

«А может, и бог с ним, с пальто!» – подумала Арина, вливая в себя очередную рюмку коньяка.

7. Поместье Мираж

Испания, 1845 г.

Унылый и величественный пейзаж Старой Кастилии. Пыльная бескрайняя равнина, ни кустика, ни деревца вокруг, лишь сухая, выжженная палящим летним солнцем трава, по которой взгляд свободно пробегает пространство на 1000 пасо вокруг и кажется, что уж нигде не встретит препятствия.

Как вдруг на горизонте, в лазоревой дымке, вырастает холм, на котором, подобно миражу в пустыне, проявляется чудесный зеленый оазис. Но мираж этот по мере приближения не растворяется в воздухе, а начинает обретать все более и более явственные очертания. И вот уже видна апельсиновая роща, что шумит у подножия холма, и вверх на холм взбегают песчаная дорога, обсаженная по бокам миндальными и гранатовыми деревьями. Петляя то влево, то вправо, огибая то искусственный пруд, то причудливый грот с колоннами, то резную беседку, дорога наконец обрывается перед въездной античной аркой, через которую, возможно, когда-то еще проходили римские когорты. К арке с обеих сторон подходит каменная ограда, впрочем, уже вполне современного образца, из-за которой виднеется трехэтажная, крытая черепичной крышей, просторная белоснежная вилла.

Это и есть Espejismo, Эспейисмо, Мираж – так назвал свое поместье граф Диего Алехандро Энрике Монтес де Кастилья, любимец короля Карла III Просвещенного, за свои преданность и доблесть получивший и графский титул, и чин генерала. Правда, позднее, при Хуане IV, Диего Монтес впал в немилость и был отправлен командор-интендантом на остров Санта-Розариа, что в Новой Гранаде, откуда вернется на родную землю лишь десять лет спустя. Почему он выбрал для Espejismo столь удаленные и столь засушливые земли Кастилии? Кто знает. Возможно, его привлекли бытующие среди местных жителей предания о том, что на этом месте в достопамятные времена стояла крепость древних солдат-латинян? Однако не станем гадать! К тому же долгое пребывание вдали от родины стяжали генералу славу человека странного. В

точности известно было одно: только такой упрямец, как генерал Монтес, закаленный в сражениях с островитянами, мог задумать этот смелый план, и только такой богач, как он, смог его осуществить. По слухам, на сады Espejismo и орошение их водой Монтес выложил до 10 тысяч реалов. А когда началось строительство виллы, то чудесным образом подтвердились местные легенды – при рытье котлована рабочие обнаружили фундамент древнего здания. Часть материала пошла в дело, а вот резные мраморные плиты, фрагменты колонн и безрукие статуи по личному распоряжению генерала были извлечены и бережно установлены в саду. И вскоре о поместье Мираж заговорила вся округа.

К несчастью, генерал Монтес недолго наслаждался плодами своих трудов. Через год на землю Кастилии вступила армия Наполеона, и мирная жизнь в Espejismo закончилась.

Свой выбор старый вояка сделал, не задумываясь. Верный чести и родной Испании, в отличие от тех, кто тотчас поспешил в столицу присягать самозванцу Жозефу, генерал возглавил отряд геррильеро и еще год бил ненавистных лягушатников, расставляя им хитрые ловушки на дорогах. Его последний час пробил в канун Рождества 1809 года, когда в Эспейисмо собрались члены семьи Монтес, а в его окрестностях рыскал взвод неприятеля. Генерал погиб от руки французского бригадира, чьим солдатам так и не удалось проникнуть в его дом, где в это время прятались до смерти перепуганные дети и женщины. Одной из них, младшей племяннице дона Диего, в ту ночь уготовано было мучиться родами. Семья молилась о счастливом разрешении от бремени и о мальчике, храбром и благородном воине, коли Господь забрал у них старого генерала.

Но вопреки молитвам родилась девочка – крупная, здоровенькая, чернокудрая, с глазами цвета моря. Младенцу дали имя Леонсия Тереса Пепита Фернанда Марселина. Разумеется, никто из родни, нарекая малышку, не знал, что бурные и трагические события, предшествующие ее рождению, так отразятся на ее характере и что лишь последнее из данных ей имен – Марселина, означающее «воительница», будет в полной мере ей соответствовать.

Да-да, Марселина – именно так предпочтет называть себя девушка, будущая хозяйка поместья Мираж. Однако об этом рассказ пойдет позже.

А пока юная сеньорита, до срока потеряв и отца, и мать, получает в опекуны родного дядю дона Эрнандо и обретает кров в его большом холодном паласио в Мадриде, что стоит на пасео де Реколетос.

Возможно, принимая опеку над племянницей, дон Эрнандо, глава семьи и отец трех сыновей, не просто выполнял свой родственный долг, но надеялся обрести в ее лице дочь, кроткую и послушную. Возможно также, что он руководствовался другими, более практическими резонами, так как у сироты имелось наследство.

Но, как бы то ни было, весьма скоро достопочтенный дон Эрнандо уже глубоко сожалел о содеянном. И на Пасхальной неделе, принимая у себя сестру Каталину с семейством, он поделился с ней своими сомнениями, выглядел он при этом весьма раздосадованным:

- Да уж, кровь не вода, хотя, казалось бы, родство не прямое... - многозначительно начал он, глядя на резвящихся в саду детей, среди которых была и Марселина. Звонкий голосок девочки выделялся среди прочих.

- Любезный брат, ты говоришь загадками, - отозвалась Каталина.

- Отнюдь, сестрица, я говорю о старом упрянце, генерале Диего. С тех пор как эта девочка живет в моем доме, я часто его вспоминаю, - с недовольством продолжил старший брат (тут стоит заметить, что в молодые годы дон Эрнандо недолюбливал и даже побаивался своего воинственного родича). - А еще я вспоминаю ту роковую ночь в его поместье... Была на то воля Господа или в дело вмешались иные силы, чтобы дух старого вояки переселился...

Не дослушав брата, Каталина ахнула и закрыла лицо веером.

Но оставим пока на совести дон Эрнандо его слова про «иные силы», подобная бдительность, бытующая в Испании на протяжении трех веков, потеряла смысл лишь при французах, и вернемся к Марселине.

В самом деле, девочка, доводившаяся покойному генералу внучатой племянницей, была отменно близка ему и внешне и по характеру - волевому, независимому, упрямому, необузданному и страстному. Непослушный ребенок, настоящий *enfant terrible*[4 - Несносный, избалованный ребенок (фр.)], становился серьезным обременением для дон Эрнандо, который в доме своем старался придерживаться строгих старинных обычаев и правил. От отроковиц требуется молчание, благонравие, вышивание и ничего более. Но какое тут вышивание, когда приставленная к Марселине дуэнья регулярно является с

жалобами на нее: то сломала пальцы, то бросила в печку клубок шерсти, то убежала с прогулки, то дралась с кузенами. Вторил ей и семейный духовник, падре Теодор, признавая пылкий, живой ум отроковицы, он пенял на ее странные фантазии:

– Чтоб их пресечь, я назначил Марселине полсотни раз отчитать Pater noster[5 - Отче наш (лат.)]. Оттарабанила, как попугай, без благоговения и страха. А когда нет страха, есть дерзость и гордыня.

Это дон Эрнандо и сам понимал, но сделать, к своему стыду, ничего не мог. Все имеющиеся в наличии воспитательные средства он уже испробовал. Бывало так, что и на горох ее ставили в холодном чулане. Другая бы на ее месте слезами заливалась, а этой все нипочем: на губах – ухмылка, в глазах – будто бесы пляшут. От такого взгляда даже самому дону Эрнандо делалось неприятно. Все усилия его оказались бесплодны.

И чем дальше, тем больше было с ней хлопот. К четырнадцати годам эта негодница, как назло, стала такой прехорошенькой, что, завидев ее, все мужчины, не исключая сыновей дона Эрнандо, смотрели на нее, свернув шеи, как голодные на паэлью. Дерзкая девчонка знала, что красива, кокетничала и упивалась вниманием к себе.

Однажды, выйдя в сад после ужина, чтобы выкурить любимую трубку, дон Эрнандо застал там младшего своего сына Родриго, держащего Марселину в объятиях.

– О, времена, о, нравы! – в страшном гневе закричал отец. – Куда катится наш мир! Разве возможно было такое в пору моей молодости!

– Но я люблю ее! – заламывая руки, взмолился сын.

– Упаси меня Господь от такой невестки! Эта девчонка – сущее наказание, помяни мое слово, она покроет позором нашу семью!

Сцена была ужасной. Отец топал ногами и обвинял всех и вся, тогда досталось не только Родриго, но и Наполеону, и его gabacho[6 - Французишка (исп. презрит.)], насадившим распутство на испанской земле.

Чаша терпения донна Эрнандо была переполнена, а потому он запер Марселину в ее комнате и поспешил удалить всех троих сыновей из дома. Избрал он при этом школу построже и подальше от Мадрида.

Пару недель спустя, когда страсти немного поутихли, он освободил воспитанницу из заточения и, не обращая ровно никакого внимания на пляшущих бесов в ее глазах, любезно представил ей будущего мужа. Краснолицый, коренастый, давно разменявший пятый десяток, барон Бомонт де Наварро был очарован невестой.

Весной в канун праздника Благовещения, когда Марселине исполнилось пятнадцать, в церкви Сан-Хинес состоялось пышное венчание. После свадьбы молодые уехали в имение мужа в Гранаду, а потом как будто отправились путешествовать. В какие края? Кто же их знает. В это время связь Марселины с родней прервалась, чему дон Эрнандо был несказанно рад.

История умалчивает, была ли она счастлива или несчастна в замужестве, в любом случае продлилось оно недолго. Шесть лет спустя донна Марселина вернулась в Мадрид уже во вдовьем платье. Из далекой Гранады долетали кое-какие слухи, что, мол, смерть барона была подозрительно внезапной. Но кому до этого было дело, когда вся страна жила в предчувствии гражданской войны. Король Фердинанд, поправ салический закон[7 - Древнейший закон, включающий наследственное право.], объявил своей наследницей новорожденную Изабеллу.

Что же до Марселины, то по окончании траура, опять при деятельном участии дядюшки, ее выдали замуж вторично за почтенного сеньора Манджоне, богатого негодяя. Однако повторный ее брак тоже продлился недолго и окончился все тем же вдовьим убором. Была, впрочем, разница, и состояла она в том, что теперь эта *viuda de dos maridos*[8 - Дважды вдова (исп.).] стала баснословно богата. С богатством все слухи умолкли, и отныне уж никто не имел над ней власти.

Поселившись во дворце покойного барона Бомонта, что находился в соседстве с домом тетушки Каталины, вдова зажила на самую широкую ногу – весело и вызывающе. Вызывающими были и ее модные парижские платья, и ее открытые экипажи, и даже прислуга. Чего стоил разряженный бантами и лентами африканский кучер, что стоял у входа с запряженным верблюдом! А тот каналья-циркач с леопардом на цепи, что сопровождал Марселину на прогулке по

Prado![9 - Традиционное место прогулок в Мадриде.] Даже в дни постов музыка не стихала в ее дворце, который свободно посещали мужчины. Чаше других к ней являлся старый маррано, один вид которого заставлял дону Эрнандо жалеть об отмене святой инквизиции. Марселина называла его «маэстро». Учитель! Господи, страшно представить себе эти учения! Ко всему, две недели тому назад маррано взял да и поселился у нее в доме! Это было настолько неслыханно, что с тех пор все высокородные члены семьи Монтес, боявшиеся скандала больше огня, ни одного дня не жили и ни одной ночи не спали спокойно. По Мадриду уже поползли грязные сплетни. И вот тогда, когда эта пороховая бочка уже была готова взорваться, внезапно нашлось счастливое решение.

С подачи дядюшки, разумеется. Постаревший, но не сдавший позиций дон Эрнандо пригласил племянницу для нравоучительной беседы.

– Отрадно видеть тебя в здравии и в веселом расположении духа, любезная племянница, – начал он, старательно отводя глаза от ее вызывающе глубокого декольте. – Однако ты не можешь не думать о чести семьи и...

– Ох! Я знаю наперед, что вы хотите мне сказать! Однако замуж я больше не выйду! – дерзко глядя на дядюшку, оборвала его Марселина. – Но... я готова пойти на уступки. При одном условии. Отдайте мне Эспейисмо! И тогда я уеду из Мадрида навсегда!

Услышав эти слова, дон Эрнандо едва сдержал крик радости. Надеясь удалить племянницу подальше от столицы, он совсем не ожидал, что дело решится так скоро и так легко.

Впрочем, для виду старик все же изобразил на лице сомнение:

– Я приветствую твое желание посетить, так сказать, родовое гнездо. Но, увы, нынешнее его состояние таково... и мы все, не имея должных средств на содержание поместья, принуждены наблюдать его гибельное разрушение.

– О! Это уже не ваша забота! – засмеялась Марселина, и в ее глазах вновь вспыхнул огонь. – Genius loci![10 - 1 Гений, дух места (лат.). В римской религии – дух-покровитель того или иного конкретного места.] Будьте уверены, не пройдет и года, как поместье засияет прежним блеском!

Как только за ней закрылась дверь, дядюшка с довольным видом придвинул к себе тарелку со сладкими чуррос и съел сразу три штуки, запив их горячим крепким кофе. Однако уже через минуту настроение у него резко изменилось:

– Зачем, спрашивается, негоднице Марселине понадобились эти старые развалины? Уж нет ли тут подвоха...

8. Отпуск

– Жемчуг, который я буду носить в первом действии, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Всё будет настоящим, – успокаивает ее Фаина Раневская. – Всё: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем.

В субботу заздравная статья в каталог художника Николая Шитикова была готова и отправлена заказчику. На два дня раньше оговоренного срока! Оперативность Шитиков оценил – мгновенно перевел Арине гонорар, проявив при этом неожиданную щедрость. («Спасибо вам, добрый человек!») Хотя художником, по мнению Арины, он был так себе, из категории проныр, умеющих наводить мосты. Он недавно вернулся из-за границы и, как с корабля на бал, влился в работу над новой постановкой «Медного всадника» в Большом театре. Как пролез – история умалчивала. Впрочем, для каталога к юбилейной выставке подобная информация и не требовалась.

– Как же вы здорово нашего брата художника понимаете! В самую точку! – радовался Шитиков и в качестве бонуса предложил Арине билеты в Большой, и места, к слову, отличные – партер.

На «Онегина» Арина выбраться не смогла – вместо нее пошла Тамара. А вот на «Спящую красавицу», где Аврору танцевала молоденькая Варя Ливнева, о которой в последнее время писали и говорили все, твердо решила пойти и позвонила Юльке. Во-первых, они давно не виделись, а во-вторых, взгляд подружки на искусство – взгляд среднестатистического вдумчивого зрителя – нельзя игнорировать. Юлькин незамысленный взгляд нередко помогал отсека-

искусствоведческие бредни от главного.

Юльку Арина знала с самых ранних лет – она была дочерью родительских друзей. Когда их мамы-папы наносили друг другу визиты, девочек-ровесниц всегда брали с собой, чтобы те не скучали. Ох, скучно им действительно не было! В дошкольном возрасте девчонки самозабвенно дрались и ревели, в школе, не поделив какую-нибудь безделицу, обижались и ссорились, а повзрослев, стали подругами неразлейвода. Ведь дружба, как и сам человек, с течением времени переживает разные стадии – взрослеет. Теперь Юлька, точнее, Юлия Романовна Беляева, была замужем, имела сына и работала начальником отдела маркетинга в одной крупной фирме.

– Юленьке, пожалуйста, от меня привет передай, – в дверях Ариной комнаты показалась фигура матери: гладкая прическа а-ля Грета Гарбо, элегантное домашнее платье, тонкая талия перехвачена поясом, на плече, точно экзотическая брошь, застыл попугай Генка.

Тамара Павловна, разумеется, не могла пропустить сборы дочери в театр. «Выбор туалета – дело слишком ответственное».

– Так что ты, деточка, решила надеть? – помолчав, спросила она. Хотя было очевидно, что Арина пока ничего не решила, потому что все еще сидела за работой, яростно стуча по клавишам компьютера. – Мне кажется, в Большом будет уместно золото...

– Тамар, какое золото?! Ты видишь, я занята! – отрезала дочь, решив перед выходом проверить почту.

– Арина, ты же опоздаешь!

Кроме обычной спам-рассылки, новых сообщений на почте не было, исключая одно, подписанное странным, почти анекдотичным псевдонимом – «Наталья фон Паппен». За него-то Арина и зацепилась в последний момент.

«Уважаемая Арина Ивановна! Мы обращаемся к Вам по рекомендации Елизаветы Яковлевны Мориц...»

– Лестно, конечно, что она меня помнит, даже удивительно, – подумала Арина. – Ей ведь должно быть уже за 90, перепроверять рекомендацию не будем, – и стала читать дальше.

«Мы – недавно организованный Международный частный благотворительный фонд культурных инициатив “Таубер”. Среди наших ближайших проектов – организация выставки и издание каталога “Жизнь и судьба Мариуса Петипа”, приуроченных к 200-летию со дня его рождения...»

– Не очень оригинально, но годится, – прокомментировала вслух Арина.

«...Проект реализуется в рамках года Петипа в Санкт-Петербурге...»

– Чудо, что не забыли! Сейчас у них чемпионат по футболу – главное событие вселенной!

«...На выставке будут представлены материалы, посвященные жизни М. И. Петипа во Франции и России, уникальные архивные материалы, личные вещи из российских и европейских музеев и частных коллекций...»

– А я при чем? – бросив взгляд на часы, спросила вслух Арина.

«В процессе подготовки к выставке мы обнаружили, что на сегодняшний день неизвестно местонахождение нескольких предметов, указанных в первом завещании Петипа от 1897 года (архив МТМИ № 7438). В частности, нас интересуют объекты описи под номерами 8 и 17, то есть: “золотой лавровый венок, на листьях коего перечислены названия балетов, подарок мэтру от балетных энтузиастов”, а также серебряный портсигар с рубином и именной гравировкой. Кроме того, большой интерес представляет перстень-печатка или перстень-талисман, дважды упоминавшийся в книге мемуаров об Анне Павловой, автор барон Дандре. Файл прилагается.

Принимая во внимание Вашу работу по поиску и атрибутированию различных артефактов, которую Вы описывали в книге “Жизнь замечательных вещей”, любезно просим Вас принять участие в нашем проекте...»

– Спасибо, далекая незнакомка, – похвала Арине была приятна.

Чего уж тут скромничать! Какому автору не понравится, что его книгу, написанную больше десяти лет назад, читают и помнят. Ведь тогда действительно стараниями Арины некая безвестная вещица, золотая галстучная булавка с маленькой жемчужиной, была идентифицирована и обрела статус мемориального предмета. А началось все с того, что знакомые знакомых, разбирая вещи в квартире умершей родственницы, 97-летней преподавательницы консерватории, пригласили Арину покопаться в старушкином хламе. При жестком условии самовывоза! Книжки, ноты, письма, дневники – все эти пыльные бумажные завалы родственников совсем не интересовали. И напрасно. Старушка-то была непростая! В свое время она училась у Модеста Старовойтова[11 - Вымышленное имя.], а тот – у Петра Ильича. Чудеса случаются! Арине тогда многое удалось спасти от помойки. Что же касается булавки, то она сразу будто уколола Арину, и та засела в архивах, раскапывая, изучая и сравнивая десятки документов, пока наконец не нашла то самое письмо, в котором Чайковский рассказал брату Модесту про милый сувенир, полученный им от N.N.: «...булавка пришлась как нельзя кстати, мою старую я велел отдать в починку, замок сломался...» Впоследствии артефакт у родственников выкупили и передали в Клинский музей.

Собственно, эту историю, аргументируя свой выбор, и упоминала госпожа фон Паппен в письме:

«...Вашу роль как исследователя мы видим в том, чтобы узнать вероятное местонахождение указанных выше предметов и, при возможности, способствовать тому, чтобы они были представлены на нашей выставке. В рамках бюджета нашего проекта предусмотрено финансирование этого исследования в размере 5000 евро, из которых 1500 будут незамедлительно оплачены в качестве аванса в случае Вашего согласия...»

– Вот с чего надо было начинать! – воодушевилась Арина.

В этот момент у нее над ухом захлопали крылья – это прилетел Генка и, перебирая крохотными ножками, заходил по клавиатуре:

– Хорош-шая птич-чка!

Из прихожей раздался недовольный Тамарин голос:

– Очень некрасиво, деточка, заставлять себя ждать!

– Хорошо, мама, я собираюсь!

Конец письма Арина дочитывала уже стоя:

«...Также мы гарантируем оплату всех накладных расходов, связанных с исследовательской работой. В случае, если Вы сочтете для себя возможным принять наше предложение, то мы с радостью вышлем Вам материалы предварительных исследований, проведенных нашими коллегами. Ваше решение просим сообщить ответным электронным письмом...

С уважением, куратор выставки “Жизнь и судьба Мариуса Петипа” – Наталья фон Паппен. Берлин, Германия, октябрь 20XX г.».

Прочесть все вложенные в сообщение файлы – сканы каких-то документов и писем – Арина уже не могла и отложила на потом. Закрыв компьютер, она метнулась к шкафу и принялась второпях одеваться – любимые французские шаровары и новая кофта-хламида вразлет удачно совпали. Получился неформальный такой ансамбль, свободно струящийся, цвета мокрого асфальта. Через минуту его дополнила крупная бижутерия: бусы, клипсы, браслеты. Махнув пару раз расческой – короткая стрижка с асимметричной челкой не требовала укладки, Арина достала косметичку.

– Боже мой! Деточка, в таком виде в театр идти нельзя! Это неприлично! – из-за дверцы шкафа выплыло укоризненное лицо Царицы Тамары.

– Мам! Давай не сейчас. Иди лучше чаю попей, – оборвала ее дочь. – Тебя бы на фейсконтроль поставить, разогнала бы всех неприличных.

Мать не уходила, стояла, вздыхала, качала головой:

– Серые штаны... серая кофта... серое пальто...

– Не знаешь, вечером дождь обещали? – сменила тему дочь, надевая серые замшевые ботинки.

- Ох, деточка, так ты замуж никогда не выйдешь.

- Рада это слышать, мама. Ну, пока, - на ходу бросила Арина и вышла.

* * *

Место встречи подруги выбрали традиционное - первая колонна справа от угла, 18.30.

Когда Арина, опоздав минут на десять, подошла к театру, то сразу выделила в пестрой толпе знакомую фигуру. Юлька - стройная, высокая, эффектная блондинка, в черном полупальто с меховой горжеткой, в ореоле идеально уложенных белых локонов, - ее туалет, без сомнения, одобрила бы Тамара.

- Представляешь, Аришка, мне так хотелось на эту Ливневу посмотреть, а тут ты звонишь! Просто чудеса! - расцеловав подругу, заявила Юля. - Сейчас про нее все говорят и все хвалят. Она в самом деле хороша?

- Вот и посмотрим. Я тоже ее еще не видела, - улыбнулась Арина.

- Слушай, я ведь после ремонта в Большом первый раз! Надо будет все заценить! - призналась Юлька и тотчас заметила скепсис на лице подруги.

- Ну-ну, приятного тебе просмотра.

- Ох, ты вечно все ругаешь.

- А по-твоему, я должна ликовать, когда старая аутентичная резная позолота заменяется пластмассой! - с возмущением заявила Арина. - Я могу поверить, что фундамент, сваи, инженерные системы разные, механика за кулисами заслуживают всяческих похвал, но я - не инженер...

- Ладно тебе, хватит. Расскажи лучше про Ливневу. Ее точно кто-то двигает? - спросила Юля, которая обыкновенно была в курсе всех звездных московских сплетен, наизусть знала, кто с кем спит, кто от кого родил и кто кого бросил.

– Ох! Беяева, балет – такое дело, тут надо самой кое-чего уметь, одной протекции маловато. Но вообще я б ничуть не удивилась. У балетных – это принято. Такова традиция.

– Тогда просвещай!

– Ладно тебе, будто сама не знаешь... – отмахнулась Арина, но сразу поняла, что Юлька просто так не отстанет, и продолжила: – Известно, что еще до революции молоденькие великие князья знакомились с танцовщицами для приобретения первого сексуального опыта. Что-то вроде клуба для избранных, личный гарем... Беяева, тебе не кажется, что мы несколько зациклены на мочеполовой теме?

– Нет, не кажется. Так ты Кшесинскую имеешь в виду?

– Не только. И до, и после были свои Кшесинские.

– А почему именно балерин выбирали?

– Самое эротическое искусство, «где полуобнаженные переплетаются в разные чувственные пирамиды», – так писал Лев Николаевич. Представь, каков был контраст. В прежние времена женщина одевалась, как капуста: платья, нижние юбки, панталоны, корсеты, китовый ус... За этими доспехами и не поймешь, какова она из себя. А в балете – всё напоказ: ножки, шея, грудь... Раньше танцевальные спектакли рассматривались многими как весьма фривольное представление.

Подруги спустились в гардероб. Позолоченной пластмассы в самом деле было много – все кругом так блестело, что рябило в глазах.

– Да-а-а... – протянула Юлька. – Сейчас обнаженки и в обычной жизни предостаточно! – И она скосила глаза на смело оголившуюся девушку, стоявшую у зеркала. Сама же Юля пришла в театр после работы и была одета в деловой элегантный костюм.

В фойе перед массивными дверями с надписью «Партер. Левая сторона» она купила программку, и подруги, влившись в общий поток, прошли в зрительный зал.

– «Театр уж полон; ложи блещут; партер и кресла – все кипит...» – с выражением ученицы-пятерочки процитировала классика Юлька. – Кипит! А дальше что, помнишь?

– «В райке нетерпеливо плещут, и, взвившись, занавес шумит», – с тем же выражением закончила Арина.

– Кстати, я прочла, что нынешняя постановка «Спящей красавицы» должна быть просто роскошной.

– Так оно и планировалось... – многозначительно произнесла Арина.

– ?

– Статусный спектакль, всегда таким был. Идеальная метафора идеальной монархии!

– А разве наш САМ любит балет? Мне казалось, он предпочитает дзюдо и художественную гимнастику.

– Любить не обязательно, можно посмотреть и оценить. Ведь в балете, как при дворе, всегда существовала строгая иерархия: прима-балерина, балерина-солистка, корифеи, кордебалет, миманс...

– О! Вертикаль власти. Понимаю, – усмехнулась Юля.

– Нет, тут в самом деле все движения – плоть от плоти придворного ритуала – ритуальные поклоны, приседания, взгляды, жесты... И вообще, «Спящая красавица» – это самопрезентация власти. К слову, Петипа считал этот балет своей самой большой удачей.

– Вот люблю я с тобой по театрам ходить. Ты все расскажешь, объяснишь... А художник кто? Твой Шитиков?

– Нет, боже сохрани! Сюда его не допустили. – Арина остановилась у нужного ряда, ожидая, пока капельдинерша, немолодая дама в форменном сером костюме, рассыпаясь в комплиментах, не усадит в кресла известного

телеведущего и его спутницу.

Да, места им достались явно бластные! Ряд 13, срединные кресла – отсюда вся сцена была как на ладони, идеальный обзор.

– Арина Ивановна, дорогая моя! – услышала она за спиной и обернулась. Помахивая программкой, к ней приближался холеный господин во фракной двойке – Арнольд Михайлович Каратов. Балетный агент, театрал – он часто мелькал на разных московских тусовках, приходил и к ним на презентацию «Лемешева». Они были знакомы давно, но не слишком коротко.

– Добрый вечер, рад вас видеть, Ариша. Вы, как всегда, очаровательны. О! Вы с подругой! Представьте нас, пожалуйста. Юлия. Очень приятно. Арнольд. Будем знакомы. – Сверкнув обаятельной улыбкой, Каратов церемонно приложился к ручкам обеих дам.

Его подчеркнутая светскость была родом из прошлого, великого театрального прошлого, когда театр – храм, спектакль – событие, а актеры – небожители. На фоне нынешней случайной зрительной массы он и сам выглядел ретрообразно и в то же время на удивление естественно.

– Вы тоже на Вареньку пришли взглянуть? Хороша! Слышал про ваши неприятности в музее, ох, кинжал в грудь по рукоятку... Очень сочувствую! Все эти сплетни действуют на нервы. Вот вам моя визитка, вдруг случится позвонить. А ваш телефон не черкнете? Покорно благодарю. Приятного вам вечера. – И Каратов с поклоном удалился.

– Савинова! Он тебя клеит! – с лукавой улыбочкой заметила Юлька, одержимая идеей устроить личную жизнь подруги.

– Ничего подобного.

– Ну-ну, рассказывай... – И, оставшись при своем мнении, она сменила тему. – Слушай, а что там с вашим преступлением века? Вора нашли?

Арина громко вздохнула:

– Умоляю тебя, Беляева, не надо об этом, а то меня уже тошнит.

– Да я что, я ничего... Я вот смотрю, что люди на билеты потратились, а на цветочки уже не наскребли.

– Здесь цветы приносят к администратору заранее, внутрь вкладывают записочку «для кого». А может, не только записочку... – объяснила Арина. – Мой знакомый рассказывал, что его поклонницы вкладывали ему в букеты... вообрази, облигации трехпроцентного займа!

Юлька приснула, потом, вдруг что-то вспомнив, принялась рыться в сумке и, достав оттуда театральный бинокль, нацелила его на знаменитый потолочный плафон. Но Аполлон с танцующими по кругу музами стал меркнуть – свет в зале медленно угасал, в оркестровой яме пришли в движение музыканты, над центральным пультом показалась лысоватая голова дирижера. Прозвучали одинокие хлопки – заработали клакеры. Мгновение спустя по залу прокатились общие аплодисменты. Началась увертюра.

Эту новую постановку «Спящей красавицы» под редакцией Григоровича Арина уже видела и мнение свое вынесла. Из лучших побуждений, чтоб подчеркнуть значимость события, мэтр пригласил к работе над спектаклем итальянского художника-сценографа Эцио Фриджерио. И тот весьма старательно представил на сцене театр той эпохи, в которую, собственно, и разворачивается действие: и задник, и кулисы, и костюмы (над ними работала супруга Фриджерио) были типичны для XVII–XVIII вв. Однако Арине сценография итальянца показалась чересчур помпезной, тяжеловесной и перегруженной[12 - В данном случае приводится мнение о постановке В. А. Кулакова, искусствоведа, историка музыкального театра.]. С ее точки зрения, декорации затмевали хореографический рисунок, сам танец. А вот танец-то как раз стоил того, чтобы остановиться на нем отдельно. Молодая прима Варвара Ливнева была действительно хороша. К слову сказать, партия Авроры в «Спящей красавице» – одна из самых технически сложных, в любой редакции, какую ни возьми, и Ливнева справлялась с ней отлично. Все было выполнено настолько четко, чисто и уверенно, что и придраться не к чему. В знаменитой сцене с четырьмя женихами «апломб» молодой примы, устойчивость на полупальцах, сорвал бурные аплодисменты зала. К ним, перестав наконец вредничать, присоединилась и сама Арина. Ох уж эти критики: вроде сами делать ничего не умеют, а ругать горазды.

* * *

В антракте Юлька потащила Арину в буфет:

– Бокальчик шампанского и бутерброд с икрой! Обязательно, для поддержания традиции! Я угощаю!

– Да брось ты, тут такие цены, что не подступишься! – попробовала возразить Арина, но подруга, заявив, что без шампанского не уйдет, встала в очередь.

– Помнишь, тут в буфете раньше стояла удивительная ваза в виде хрустального павлина, в него конфеты складывали? У него еще хвост серебряный был?

– Не помню.

– Видно, он тоже пал жертвой реконструкции. Но в этом случае жалко не только птичку, – проворчала Арина, когда они устроились за свободным столиком.

Юля подняла бокал:

– Я вот что тебе скажу, эта Ливнева – очень классная! Я не знаю, что там у нее с техникой, но, на мой невооруженный взгляд, она просто летает по сцене! А ты чего скажешь?

– Скажу, что техника тогда и хороша, когда ее не видно, – откусывая бутерброд с икрой, ответила Арина.

– И музыка – просто божественная!

– Между прочим, Чайковского ругали за то, что он взялся писать «музыку для ног».

– Почему?

– Балет тогда считался жанром условно музыкальным, в котором за редким исключением работали посредственные композиторы.

- Ты серьезно? Я - в шоке!

- Да-да... сюжет не ахти какой, музыка так себе - все это было вторичным, потому что на первом плане пухлые полуобнаженные нимфы выписывали акробатические кренделя, - продолжила Арина, чувствуя приятное головокружение от шампанского. - «Летают ножки милых дам; по их пленительным следам летают пламенные взоры...» Пушкин про ножки и писал.

- Не может быть! А как же мировое признание? Шедевры русского балета?

- Ну, вот со «Спящей» они примерно и начались. Первая постановка была в 1890 году. Тогда, по сути, Чайковский, Петипа, Всеволожский, он либретто писал, создали не просто шедевр, а целый новый жанр, тот балет, который мы теперь знаем и любим.

От выпитого Юлька впала в восторженное состояние:

- Ох, как же здорово, как славно! Спасибо тебе, Аришка. Только ты меня и вытаскиваешь. Честно говоря, я закисла. Работа - дом, дом - работа, муж - ребенок. Тот еще паразит, ничего делать не хочет. А сегодня просто чудесный вечер!

* * *

После спектакля подруги решили не расставаться, продлить вечер. Юлька предложила зайти в кафе.

- Да ну, теперь там даже покурить нельзя, - возразила Арина и предложила пойти к ней.

За пятнадцать минут и 350 рублей таксист домчал подруг до Замоскворечья, где на углу Малого Татарского они зашли в магазин.

Арина направилась в гастрономический отдел, а Юля - в винный:

– Сначала взяла одну, но вторая прямо сама в руки прыгнула! – выходя с двумя бутылками шампанского, заявила она. – Слушай, а Царица Тамара нас не осудит?

– Если нальем, то нет...

Тамара их с удовольствием поддержала. Они устроились на кухне под старой гэдээровской лампой – болтали, пили, веселились, закусывали и немного грустили, вспоминая Ивана Петровича и обоих Юлькиных родителей, тоже, увы, ушедших.

Женскую компанию в меру сил поддерживал Генка. Попугай деловито расхаживал по столу между тарелками, что-то с них склевывал, глядел на свое отражение в крышке металлической сахарницы и кричал в нее, как в рупор, все слова, которые знал: «Моло-детс, Гена, хо-рошчая птичч-ка! Здрасс-твуй!», «Тосс-ка з-зеленая! Прри-вет, прри-вет». Раньше, до Савиновых, Генка жил в детском саду, где получил серьезное нервное расстройство, поэтому первое время он был пугливым и нелюдимым. Но спустя год он все забыл, пообвык и, к радости обеих хозяек, начал говорить.

Юлька стала рассказывать про сына Степана, который стал вредным и прыщавым, потом про ленивого мужа Михаила, который второй год не мог найти работу.

– Удивительно. Михаил такой знающий человек, с таким широким кругозором, – заметила Тамара. – Я такого не ожидала.

– Что делать – работать ему негде. Негде, незачем, да и некогда, – подытожила Юлька.

– А я ожидала чего угодно, – невпопад вставила Арина, – но только не того, что когда-нибудь мне будет сорок лет.

– Так тебе еще целый год до сорока! – отозвалась Юля. – Кстати, скажи, Анатолий тебе звонил? Я думала, ты мне что-нибудь про него расскажешь.

– Какой Анатолий? – тотчас заинтересовалась Тамара.

– Вот именно, что никакой, – ответила Арина. – Твои усилия, Беляева, оказались напрасны.

Разумеется, это Юлька познакомила Арину с Анатолием, который когда-то учился с ее мужем. Встреча произошла у Беляевых на семейном празднике. «Очень толковый мужик, кстати, недавно развелся», – по секрету сообщил Арине Юлькин муж. Однако собеседником Анатолий оказался неважным, говорил он мало, мало ел и не пил ничего спиртного, объяснив, что недавно бросил. Когда Арина вышла на кухню покурить, он покорно поплелся следом, но лишь для того, чтобы сообщить ей, что курить он тоже бросил.

– А вы не хотите? – спросил он ее и для поддержания увлекательной беседы стал рассказывать про какую-то книгу, после прочтения которой у нее тоже «пропадет всякое желание курить».

– Ну а что вы еще бросили? – поинтересовалась Арина.

– Вам, наверное, со мной скучно, – подытожил «толковый мужик» и замолчал. Правда, в конце вечера вдруг вызвался отвезти ее домой и, прощаясь, церемонно попросил разрешения позвонить, но так и не позвонил.

«Зануда!» – решила тогда Арина и думать про него забыла, но сейчас, когда Юлька напомнила, ее вдруг укололо.

– Да нечего рассказывать, – повторила она, размышляя, обидно ей или нет.

– Постой, он же потом Мишке звонил и про тебя расспрашивал...

– Видишь ли, Юлия, когда невесте сорок и она страдает ожирением... Короче, залежалый товар пристроить непросто. – Арина улыбнулась веселой хмельной улыбкой.

Она, конечно, лукавила. Во-первых, никаким ожирением она не страдала, хотя, возможно, была чуть-чуть склонна к полноте, самую малость, и потому регулярно сидела на разных диетах. А во-вторых, выглядела она моложе своих лет.

После слов дочери Тамара горестно вздохнула, будто согласившись со всем сказанным, и оседлала свою любимую тему:

– На мой взгляд, Арине надо сменить прическу, – произнесла она, призывая Юлю в свидетели, но той позвонил муж.

Тут и Арина вспомнила про свой мобильный. Звонок она отключила еще в театре, а включить забыла. Как назло! На экране высветилось несколько пропущенных вызовов. Звонила Вика, ее заместитель, и, не дозвонившись, отправила смс. «Чего не берешь трубку? Срочно отзовись!», «Сегодня у нас была буря! Кабулов катит на тебя бочку».

Перезванивать Вике, когда на часах за полночь, было поздно. Арина нахмурилась, впрочем, новость легла на почву, обильно удобренную шампанским:

– В конце концов, я – в отпуске! – пробормотала она, а поскольку Юлька все еще болтала по телефону, пошла к себе в комнату дочитывать письмо из Германии.

Предложение госпожи фон Паппен было весьма щедрым, однако при повторном прочтении кое-что в письме Арину смутило. «Какие странные выбраны объекты поиска, особенно тот, что указан третьим...» – размышляла она, стараясь отогнать от себя хмель. Перстень Петипа – то, что она о нем припомнила, относилось скорее к области каких-то сплетен, слухов и легенд...

Минут через десять она вернулась в кухню, но дамы так увлеченно беседовали, что даже не заметили ее появления.

– Тамара Павловна, ну вы-то видели мамины украшения, вы его точно должны помнить! – под хрустальный звон бокалов вопрошала разгоряченная Юлька. – Может, знаете, откуда он появился?

– Нет, деточка, камень я, конечно, помню. Он совершенно роскошный! Но у кого она его купила... – Тамара покачала головой. – И потом столько времени прошло.

– Ты о чем? – напомнила о себе дочь.

– Понимаешь, подруга, очень странная история, – ответила ей Юлька. – Лет десять назад мама подарила мне рубин, рубин-кабошон, большой, красивый. Сама знаешь, мама цацки любила и умела их выбирать.

– А ты будто бы нет, – вставила Арина.

– Так вот, про этот рубин я и думать забыла, а недавно открываю сейф, достаю шкатулку... и вижу. Он меня просто позвал! Да-да, не смейся! Короче, я на него долго так смотрела и решила заказать оправу... Кольцо типа серебряной корзиночки, очень красиво, но сейчас не об этом... Короче, оправу мне сделали. А вот здесь начинается самое интересное. Представь, стоит мне надеть это кольцо, как со мной что-то странное происходит. Такое неприятное ощущение, мысли какие-то дикие в голове роятся, и я делаюсь страшно агрессивной, злой, будто бы в меня Чингисхан вселился. Я это просто физически ощущаю! – Юлька сделала эффектную паузу. – И тогда меня озарило! Я подумала, а кому, собственно, этот рубин раньше принадлежал. Может, судьба у этого камня ужасная. Понимаешь?

Подруга кивнула.

– Ты в такие вещи не веришь?

– Верю или не верю – сейчас неважно, – приняв важный вид, произнесла Арина. – Лучше обратимся к опыту прошлого, к фактам. А они нам говорят что?

– Что? – переспросили дамы.

– Что некоторые известные, вполне себе реальные украшения и камни, в силу непонятных науке причин, имели крайне несчастливую судьбу. Буквально «след кровавый стелется по сырой траве». Возьмем, к примеру, проклятое кольцо Марии-Антуанетты.

– Это же все художественный вымысел, – отозвалась Тамара.

– Ладно, тогда сапфировые серьги Параши Жемчуговой? Про них уже чистая правда.

- А что с ними не так? - спросила Юля.

- Ни сама Жемчугова, ни те, кому достались ее сапфиры потом, не дожили до 30 лет. Энергетика камня, магия или банальное стечение обстоятельств - назовите как угодно. Между прочим, когда у меня дома хранилась та самая галстучная булавка Петра Ильича, то я за неделю накатала пять финальных глав диссера. А до этого сидела - ни в зуб ногой.

- Потому что взялась за ум, - объяснила мать.

- Э-э-эх! Потому что Чайковский со мной вдохновением поделился.

- Да... - протянула Юля. - Интересное дело...

- Вот я им и займусь! Буду искать брошку Чайковского, кальсоны Мариуса Петипа, библиотеку Ивана Грозного и Священный Грааль! - воскликнула Арина, осушив бокал. - Похоже, вскоре это будет мой единственный заработок!

Несколько минут назад она отправила ответ Наталье фон Паппен, согласившись сотрудничать с их фондом. И теперь все ее музейные неприятности бултыхались в искрящемся озерце шампанского.

9. Варвара Ливнева

Что такое талант? - Душа.

К. С. Станиславский

- Вы не знаете, откуда артисты выходят? Где их служебный подъезд? - в который раз спросил мужчина с букетиком подвядших белых гвоздик, но так и не получил ответа.

Он шел навстречу шумному, многолюдному потоку, его выдавшее виды полупальто и нелепая шляпа в стиле Юрия Деточкина заметно выделялись на

общем глянцевоm фоне посетителей Большого театра. Празднично одетая публика расходилась после спектакля, все торопились, ворчали и толкались.

Это раньше зрители с неохотой покидали театр, обсуждали на ходу представление и неспешно рассаживались в экипажи. Теперь же «театральный разъезд» больше напоминал «театральный разбег». Нынешняя публика улепетывала из храма Мельпомены, как при пожарной эвакуации, бурливо выплескиваясь на залитую огнями площадь, где ее встречали шум толпы, гул автомобилей и неоновые всполохи вывесок. Ночная жизнь большого города лишь начиналась.

Знаменитая квадрига Аполлона рвалась с портика вверх, в чернильное московское небо. Само же здание Большого театра с его обновленным, будто загримированным, фасадом напоминало гигантскую театральную декорацию.

Меж тем у подъезда № 5, с табличкой «Служебный вход», того самого, о котором спрашивал мужчина с гвоздиками и который он в конце концов отыскал, никакого движения пока не наблюдалось. Служебная проходная ожила лишь полчаса спустя, и из дверей потянулись работники театра, буфетчики, гардеробщицы, технический персонал, работники сцены...

– Простите, а балерины тоже отсюда выходят? – на всякий случай решил уточнить мужчина, обратившись к статной женщине средних лет, по виду билетерше.

– Откуда же еще им выходить? – ворчливо ответила та, не останавливаясь. – Не из окна же им вылетать?

Тут дверь подъезда открылась, выпуская небольшую группу молоденьких девушек. Легкие, воздушные, грациозные – в них сразу можно было узнать танцовщиц. И мужчина устремился с вопросом к ним.

– Кого?! – громко переспросила одна из девиц. – Ливневу?! – и на ее худеньком равнодушном личике изобразилось удивление, переглянувшись с подругами, она усмехнулась. – Так она позже выйдет. Вы подождите. Может, минут через двадцать, а может, через час.

Танцовщицы засмеялись и упорхнули.

Немного оробевший под их взглядами, мужчина сунул букет под мышку и отошел на несколько шагов назад. Так он и стоял, переминаясь с ноги на ногу, время от времени поглядывая то на часы, то на дверь. Погруженный в свои мысли, он даже не услышал, как к самому входу подъехал и остановился роскошный черный «Майбах», с нулями на номерном знаке, поэтому оступился и чуть не упал, когда по ушам его стегнул звук внезапно включившейся мигалки.

В ту же секунду дверь подъезда распахнулась, и на пороге показалась стройная фигурка в серо-пепельных одеждах. Это и была Варвара Ливнева, 25-летняя прима-балерина, восходящая звезда Большого театра. Впрочем, на звезду, в привычном, традиционном понимании этого слова, она совсем не была похожа. Кроткое, нежное, чуть подкрашенное личико, в больших глазах – то ли рассеянность, то ли испуг, губы, по-детски пухлые, застыли в какой-то мускульной, извиняющейся полуулыбке – так после долгой, изнурительной работы улыбается очень уставший человек.

Единственным атрибутом «звездности» была свита – вокруг примы суеилось несколько человек с букетами, которые что-то увлеченно обсуждали, шумели, смеялись. Монументальная дама с платиновой шевелюрой и корзиной фруктов заявила, что такой Авроры она в жизни не видела. Ее поддержал жиденский тенорок, принадлежавший высокому парню в леопардовом пальто. Тут вперед выкатился шарообразный господин и пригласил всех в ресторан ЦДЛ.

Однако у самой Авроры уже не осталось сил, чтобы что-то отмечать, веселиться и принимать комплименты:

– Простите, Маэль, я бы с удовольствием, но не сегодня.

Тем временем мужчина с гвоздиками, ожидавший ее, встрепенулся и сделал несколько неуверенных шагов ей навстречу:

– Варвара! Варя! – произнес он через головы людей, пытаясь к ней приблизиться, но не успел, его опередили.

За мгновение до этого из черного «Майбаха» вынырнул широкоплечий тип и оттеснил всех стоявших. Уверенно, но негрубо, в движениях его чувствовалась профессиональная сноровка, он увлек приму в автомобиль.

– В другой раз, Маэль, извините. Всем до свидания! – только и успела сказать балерина, исчезая в необъятных недрах авто.

– Вот так с ней всегда, – разочарованно протянул леопардовый и тотчас напомнил господину, которого назвали Маэль, о его приглашении в ЦДЛ. Тот согласно кивнул, и все двинулись за ним вверх по переулку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Но он такой очаровательный, настоящий душка (фр.).

2

Название «Вахрушевский музей» вымышленное. Любое сходство, совпадение случайны.

3

Первое Главное управление КГБ СССР – структурное подразделение Комитета государственной безопасности, отвечающее за внешнюю разведку, существовало с 1951 по 1991 год.

4

Несносный, избалованный ребенок (фр.).

5

Отче наш (лат.).

6

Французишка (исп. презрит.).

7

Древнейший закон, включающий наследственное право.

8

Дважды вдова (исп.).

9

Традиционное место прогулок в Мадриде.

10

1 Гений, дух места (лат.). В римской религии – дух-покровитель того или иного конкретного места.

11

Вымышленное имя.

12

В данном случае приводится мнение о постановке В. А. Кулакова, искусствоведа, историка музыкального театра.

Купить: https://tellnovel.com/ochakovskaya_mariya/rokovoy-son-spyaschey-krasavicy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)